

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

О Л Ъ Г А

ВОЛОДАРСКАЯ

КЛЯТВА ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ

Ольга Володарская
Клятва вечной любви

«ЭКСМО»

2010

Володарская О. Г.

Клятва вечной любви / О. Г. Володарская — «Эксмо», 2010

ISBN 978-5-699-39389-3

Их было трое. Друзей детства, потерявших друг друга из виду на многие годы. Мальчик и две девочки... Их было трое. Мужчина и две женщины, образовавшие любовный треугольник... Их было трое. Подозреваемых в убийстве мэра города, пришедшего на вечер выпускников с сыном Стасом, где тот после долгой разлуки встретился с подругами детства... Вера ненавидела отца Стаса, узнав, что именно из-за него погибла ее мать. А Шура не имела к нему никакого отношения... Но почему тогда именно ей мэр завещал свой шикарный особняк, а Вере оставил все акции? Стас не знал ответа на эти вопросы, как и не догадывался, кто убил его отца. Чувствовал только – давно оставшиеся в прошлом любовные страсти вспыхнут с новой силой...

ISBN 978-5-699-39389-3

© Володарская О. Г., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Пролог	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Володарская

Клятва вечной любви

Пролог

Веру мучила совесть... Вот уже двадцать минут она не находила себе места из-за своего недавнего поступка. Вернее, проступка: недостойного, жестокого... Вера ударила человека! По лицу! С силой и ненавистью! И так была ее ненависть велика, что сила удара увеличилась многократно. Выброс сжатого кулака, соприкосновение со скулой, и человек потерял равновесие, упал, ударившись затылком о батарею...

Вспомнив эту сцену, Вера поежилась. Ни разу ранее она не распускала рук. Даже пощечин обидевшим ее мужчинам не давала. А тут – кулаком!

Устав мучиться угрызениями совести, Вера решительно поставила фужер с вином на подоконник (все двадцать минут держала его в руке, а сделала всего пару глотков) и направилась на поиски того, кого ударила. Побродив по заполненному людьми помещению, она не отыскала того человека.

«Уехал домой? – предположила Вера. – Но тогда бы прошел мимо меня, я ведь все время стояла рядом с дверью. В туалете? Слишком много времени прошло. Все еще в том кабинете, где я... – Мысль оборвалась из-за очередного укола совести. И тут же возникла новая: – А вдруг ему стало плохо после моего хука? Человек пожилой, да и головой приложился прилично...»

Вера поспешила к кабинету.

Вошла. Огляделась. Сначала она никого не увидела, но когда глаза привыкли к полумраку, рассмотрела лежащего мужчину. Сердце екнуло от нехорошего предчувствия. «Наверное, правда с сердцем плохо стало, – мелькнула паническая мысль. – После моего удара он сразу поднялся на ноги и что-то закричал мне вслед, теперь лежит, не шевелится...»

Вера судорожно выдохнула и сделала несколько шагов вперед. В носу вдруг зашипало. «Чем так отвратительно пахнет? Тяжело, липко... – пронеслось в ее мозгу. И вдогонку вопросу возник ответ: – Кровью!»

Трясущейся рукой Вера нащупала выключатель. Школьный класс, уставленный деревянными партами, осветился желтоватым светом. Стали видны надписи на столешницах, меловые разводы на доске, пыль под стеллажами, мелкий мусор в углах... А еще огромная кровавая лужа в одном из них. В том самом, где лежал человек, которого Вера ударила.

И человек этот был мертв!

Часть I

Знакомые незнакомцы

Глава 1

Наши дни

Вера никогда не бывала на встречах одноклассников. Более того – и не собиралась. Возможно, причина крылась в том, что она сменила школу перед тем, как перейти в восьмой класс, но сама Вера считала – дело в другом. Просто ей не хотелось снова видеть тех, с кем она бок о бок провела семь школьных лет. Зачем они ей нужны, эти чужие люди? Ладно бы они в детстве-юности близкими были, а то ведь и тогда представляли для нее мало интереса, да и сами ею тоже совсем не интересовались. Хотя, если быть совсем честной, было у нее в свое время два друга-одноклассника, но с тех пор столько воды утекло, что смешно теперь о былом товариществе вспоминать.

Когда Вера получила по электронной почте приглашение на юбилейный бал выпускников школы (оно пришло на официальный адрес ее фирмы), первое, что пришло ей в голову, было: не поеду. Ладно бы еще жила в том же городе, но ехать за пятьсот километров ради сомнительного удовольствия увидеть бывших соучеников и педагогов – дело зряшное. Мало того, что придется шофера своего напрягать (не тащиться же на поезде), так еще и самой от дел отрываться... Да и школу она заканчивала другую.

Но потом Вера вдруг поймала себя на диаметрально противоположной мысли: «А может, все же скататься? С того момента, когда я в последний раз видела своих так называемых друзей, прошло почти десять лет. Интересно, что с ними за это время произошло? Как изменилась их жизнь?»

И Вера поехала. Бросила дела, напрягла шофера.

Город, откуда она была родом, не относился к числу мегаполисов. Он даже не попал в разряд крупных населенных пунктов. Всего лишь районный центр. А с другой стороны, какая-никакая столица района, так почему ж в ней нет приличной гостиницы? Вернее, раньше не было, но Вера надеялась, что за минувшее десятилетие она появилась. Ан нет! Магазинов понастроили, три бара открыли, две сауны и один спортклуб, а отель для приезжающих в город гостей так и остался в проекте. И пришлось Вере забронировать номер в соседнем городе, в том самом, куда она переехала подростком.

Встреча выпускников была назначена на три часа дня.

Вера прибыла в город в одиннадцать, времени на сборы было предостаточно. Она успела принять душ, уложить волосы, накраситься, одеться.

Наряд на предстоящее мероприятие Вера выбирала долго. Сначала хотела облачиться в один из своих деловых костюмов, затем в какое-нибудь коктейльное платье от именитого дизайнера, а потом, решив, что это будет слишком вычурно, надумала пойти в джинсах и футболке. В общем, перебрала кучу вариантов. Но остановилась на простых брюках и шелковой блузке, которую купила в прошлом году в Париже на распродаже. Вещь была не из последней коллекции и на вешалке смотрелась отвратительно. Вера на нее внимание обратила лишь потому, что она была ее любимого небесно-голубого цвета. Но стоило ей надеть блузку, как стало ясно – это ее вещь. Блузка так здорово сидела и так выгодно подчеркивала ее пепельно-серебристый цвет волос, что Вера ушла из магазина прямо в ней и носила все дни до отъезда. А вот вернувшись в Россию, больше не надевала. Для работы – слишком неформально, для

досуга – простовато (самая обычная, не брендовая вещь, а в том обществе, где Вера вращалась, это считалось признаком дурного тона), для дома – неудобно. И вот теперь блузка пригодилась.

Вера отправилась на встречу с небольшим опозданием. Чтобы не выпендриваться, велела шоферу остановить машину не у школьного крыльца, а за забором. И правильно сделала! Ибо на школьном дворе, где когда-то проходили линейки, автомобили стояли впритык друг к другу. «Что ж, понятно, – хмыкнула Вера. – Друг перед другом решили тачками похвалиться! То-то ни одной «копейки» или «Москвича» нет. Преимущественно иномарки, разбавленные новенькими отечественными авто...»

Среди нескольких десятков машин особенно выделялась одна: красная спортивная «Хонда». Она была не самой дорогой из всех имеющихся, но бесспорно самой эффектной. «Кажется, я знаю, кто на ней прикатил, – подумала Вера. – Стас Радугин, больше некому. Он всегда хотел быть в центре внимания, так что и теперь наверняка даже в выборе средства передвижения руководствуется не практичностью, а броскостью...»

Стас Радугин был одним из двух так называемых Вериных друзей. Еще он был ее первой любовью и первой ненавистью. Кроме того, еще много кем был, но Вера не желала беречь душу воспоминаниями о тех периодах своей жизни, которые были связаны со Стасом. А вот посмотреть на него хотелось. Интересно, он такой же красавчик, как раньше, или польсел, растолстел и стал злоупотреблять алкоголем? А Шура, вторая из их когда-то дружной троицы, какой она стала?

– Привет, Чайка! – услышала Вера и обернулась.

На нее смотрел толстый, лысый, явно злоупотребляющий алкоголем мужчина в добротном костюме и при дорогих часах. Вера долго рассматривала его, но так и не узнала. Не Стас, это точно, но кто? Лощеный, богатый, самоуверенный. Одет с тем провинциальным шиком, который вызывает у столичных бизнесменов кривую улыбку, а у «уездных» барышень восхищенный вздох.

– Неужто я так изменился? – проворчал мужчина немного обиженно. – Тогда разреши представиться: Кочетов Петр Сергеевич.

– Петя? – ахнула Вера.

Она помнила Петьку кудрявым мускулистым парнем, вышибающим из ларечников мзду. В двадцать с небольшим у него было такое тело, что хоть на конкурс «Мистер Вселенная» отправляй. Тогда он всем представлялся Кочетом (такова была его кличка). Теперь же Петром Сергеевичем... Однако!

– Ты на самом деле очень изменился... – И поспешно добавила: – В лучшую сторону, – имея в виду его образ в целом. На «братка», кем он, собственно, был в молодости, Петр сейчас совсем не походил.

– Большие бабки творят чудеса, – расплылся он в улыбке, продемонстрировав отличные керамические зубы. – Я ж теперь бизнесмен! У меня несколько заправок и автомоек. А еще я депутат городской Думы...

– Ты молодец, – похвалила его Вера, продолжая рассматривать.

Лицо Петра было гладким, холеным, а о пристрастии к алкоголю говорили только набрякшие под глазами мешки. Хотя возможно, у Петра просто не очень хорошо работают почки. Зато в остальном он выглядел прекрасно. Ни морщинок, ни шелушения кожи, ни раздражения после бритья. Было ясно, что Петр очень следит за лицом, вероятно, даже к косметологу ходит. А вот над телом работать ленился. Оно и понятно, кому охота по два часа в день железо качать? Это тебе не в салон красоты ходить, где улегся на кушеточку, а над тобой мастер колдует.

– Красную «Хонду» видела? – подал голос Кочетов и тут же хвастливо добавил: – Моя!

– Красивая, – кивнула Вера, удивившись про себя, что ошиблась в предположениях относительно машины. – Много наших пришло?

– Из тридцати человек всего двенадцать. Ты тринадцатая. – Он вытащил из кармана пачку сигарет и закурил. – Но тебя ведь конкретные люди интересуют. Или я ошибаюсь?

Вера хотела возразить, однако Петр не дал ей рта раскрыть:

– Да ладно, Верка, не оправдывайся, дураку ясно, что ты сюда только из-за Стаса прикатилась.

– Не только.

– Ну и из-за Шурки еще. Кстати, она тут. Как и Радугин. Они в буфете. Пойдем, провожу...

– Нет, спасибо, я сначала по школе пройду. В буфет потом.

– Смотри, как знаешь. Только учти, торжественная часть начнется через десять минут, – предупредил Кочетов и, швырнув недокурную сигарету в урну, вошел в здание школы.

Вера, выждав минуту, тоже двинулась к распахнутой двери.

Едва переступив порог, она натолкнулась на здорового парня в роскошном костюме. Костюм выглядел дорогим и совершенно новым. По всей видимости, он был приобретен специально «на выход».

– Верка, ты? – пробасил здоровяк, отстраняясь.

– Я, – подтвердила Вера и принялась разглядывать мужчину, пытаясь понять, кто это. На сей раз узнавание произошло быстро. – Олежка Яшин?

– Точняк! – гоготнул тот. – Надо же, узнала, а я думал, ни за что не догадаешься. Я ведь сильно изменился с того времени, как мы последний раз виделись...

Он шмыгнул носом и тут же вытер его рукавом. Жест Вера хорошо помнила. Олег с детства имел привычку вытирать вечно льющиеся из носа сопلي манжетами школьного пиджака. За что его и прозвали Соплей.

Олег действительно очень изменился. В школе он был хлюпиком, которого били все кому не лень. Когда же Вера после института вернулась в родной город, Яшин служил в армии, и она его не видела. Шура рассказывала ей о том, что в старших классах Олег начал качаться и к окончанию школы набрал достаточную массу для того, чтоб не только не падать после ударов обидчиков, но и давать им отпор. И вот теперь перед ней стоял богатырь! Только все с тем же детским, немного глуповатым лицом, по которому Вера его и узнала. Да еще, пожалуй, по хохолку на макушке. Он вечно топорщился, делая Олега похожим на попугайчика. Помнится, одно время из-за него его обзывали Какаду, и Яшин просто-таки мечтал, чтоб это прозвище приклеилось к нему навсегда. Да только Сопля оказалось более живучим.

– Как дела, Верка? – поинтересовался Олег. – Слышал, ты нынче крутая бизнес-леди...

– Да не то чтобы крутая, – улыбнулась Вера, – но жаловаться грех – у меня все в порядке.

– У меня тоже ништяк. Я в десантуре служил, а после армии сразу в ОМОН записался. В Чечню три раза ездил, на квартиру заработал, на машину. Тачку, правда, разбил – бухал я тогда сильно, но теперь в завязке. Из ОМОНа ушел. Сейчас личным охранником мэра работаю, – частил Олег. – Кстати, знаешь, кто у нас теперь мэр?

Вера покачала головой.

– Виктор Сергеевич Радугин. Батя Стаса.

– Нисколько этому не удивляюсь. Он всегда рвался в высшие эшелоны местной власти.

– В отличие от сына, – хмыкнул Олег. – Отец сколько раз ему должности предлагал, но тот ни в какую.

– Чем Стас сейчас занимается?

– У него сеть компьютерных магазинов.

– Женат?

– Не-а, холостяк. Как и я. А ты замужем?

– Тоже... холостяк. – Вера усмехнулась.

Тут Олег отвлекся на какого-то горбатенького мужичка, что семенил в направлении туалета. Тот был одет в засаленную робу, а в руках держал вантуз.

– Федь, привет! – окликнул его Яшин.

Мужичок обернулся и кивнул. Сначала Олегу, потом Вере. Лицо его было хоть и морщинистое, но довольно молодое, тогда как со спины Федя казался самым настоящим стариком.

– Как дела у тебя?

– Потихоньку, – прошамкал тот в ответ. Зубов у него не было. Совсем. – Ну, пошел я... Работа!

Мужичок поковылял дальше.

– Сантехник местный? – уточнила зачем-то Вера.

– Сантехник, – выдохнул Олег, проводив Федора (который не был горбатым, просто сильно сутулился) взглядом. – А ты чего с ним не поздоровалась?

– Я же его не знаю.

– Здра-асте, не знает она... Ты ведь с ним за одной партой сколько лет сидела.

– Я до третьего класса сидела с Радугиным, а потом с Пронькиным.

– Так это он и есть.

– Стас?

– Да какой Стас? Федя. Федя Пронькин.

– Не может быть...

Вера хорошо помнила Федю Пронькина. Это был очень приятный мальчик с большими карими глазами и выгорающими добела мягкими волосами, отчего летом и осенью он был светленьким, а зимой и весной темненьким. Но в любое время года умненьким. Федя учился только на «отлично» и «хорошо», имел выдающиеся математические способности и талант к языкам. А еще он был настоящим джентльменом: на каждое Восмое марта дарил Вере, как соседке по парте, искусственный тюльпан и маленький флакончик духов «Ландыш серебристый». За все эти достоинства (особенно за умение менять масть) девочки любили Федю. Не так, конечно, как Стаса Радугина, но все же парочка поклонниц у него всегда была. И Вера не сомневалась, что если кто и устроился в жизни нормально, так это Федя, мальчик всесторонне одаренный...

– Не может быть, – еще раз повторила Вера, вспомнив морщинистое лицо повзрослевшего Пронькина, его беззубый рот, высохшее тело и старческую походку.

– В наше время все может быть, – философски изрек Олег. – Спился Федька. Да еще и срок отмотал. Недавно освободился. Почки ему в тюрьме отбили и селезенку... С ногами вон тоже что-то неладное. Короче, инвалид сейчас. Третья группа. Ладно еще сантехником взяли, а то бы сдох где-нибудь под забором...

Вере стало грустно. Очень! И желание увидиться с бывшими одноклассниками, которое и так-то было слабым, исчезло без следа. Но тут из актового зала донесся голос бессменного директора школы Ромашина, и Вера, встряхнувшись, сказала Олегу:

– Кажется, начинается... Пойдем?

– Да на фиг нам торжественная часть? Айда в буфет, наши все там!

И, не слушая Вериных отговорок, Яшин сграбастал ее, обхватив плечи, и потащил в сторону буфета. У его дверей было многолюдно. Народ стоял кучками и весело общался. Среди массы незнакомых лиц Вера рассмотрела два знакомых: Петра Кочетова и... Она не сразу поняла, что за женщина рядом с ним, но что одна из ее одноклассниц, точно. Вера хорошо помнила эту улыбку, прищур, привычку взбивать кудри кончиками пальцев. Только, кажется, и губы, и глаза, и волосы тогда были другими...

Коллаген-линзы-краска, осенило Веру. И она наконец узнала в знакомой незнакомке свою одноклассницу Катюшу Старкову – первую школьную красавицу.

– О, какие люди! – прочирикала та, завидев Веру. – Сама Чайка к нам прилетела! Навестила родное гнездо!

– Привет, – поздоровалась Вера. От нее не укрылось, с каким ревнивым вниманием Катя рассматривает ее, поэтому сразу сказала: – Отлично выглядишь!

И нисколько не погрешила против истины. Старкова действительно выглядела изумительно, стройная, высокая, ухоженная. Наверняка она до сих пор считается первой красавицей – только уже не школы, а того учреждения или фирмы, где работает. «Если она, конечно, работает, – поправила себя Вера. – Возможно, удачно вышла замуж... Или заимела богатого любовника – вещички-то на ней все дорогие, да и поддержание себя в столь прекрасной форме денег требует... А вот волосы Катя зря осветлила. Брюнеткой она мне больше нравилась...»

– Ты тоже выглядишь хорошо, – вернула комплимент Старкова. – Вся такая столичная... Ты ведь в Москве живешь?

– В Подмосковье.

– На Рублевке? – завистливо сверкнула глазами Катя.

Вера успокоила ее отрицательным ответом. Старкова тут же принялась взалхлеб рассказывать о своем визите на Рублевку, но Олег не дал ей закончить:

– Девчонки, хорош трещать, – пробасил он. – Пошли в буфет, а то все столики займут.

– Да там наверняка еще полно свободных, – возразила Вера.

– Это потому, что большинство народа в актовом зале. Слышишь, там торжественная часть началась. А скоро все сюда припрутся...

– Положим, не все, – хмыкнула Катя. – Я, к примеру, в VIP-кабинет приглашена...

– Куда? – удивилась Вера.

– В учительскую, – со смешком ответил Петр. – В VIP-кабинет она переименована на один день. Директор Ромашин туда всех более-менее важных персон, к коим и я отношусь, пригласил после официальной части. Точно говорю, деньги на нужды школы клянчить будет.

– И всего-то? – надула губки Старкова. – А я думала, там намечается что-то интересное. В пригласительном написано: развлекательная программа и фуршет.

– Ага, споет детский хор и предложат бутерброды с икрой минтая...

Катя скривилась и, схватив Веру под руку, выпалила:

– Тогда давайте поторопимся, а то и впрямь столики займут!

И они вчетвером направились к дверям в буфет.

Катя шла торопливо, дробно цокая высоченными шпильками по каменному полу, Олежка двигался по-спортивному пружинисто, Петр выступал вальяжно, чтоб не уронить солидности, но энергично, а Вера едва ноги передвигала. Ей вдруг стало страшно! Страшно встретиться взглядом со Стасом Радугиным... Да и с Шурой... Страшно заговорить с ними и делать вид, что они для нее – просто бывшие одноклассники. Первый был виноват перед Верой. Перед второй – виновата сама Вера. На расстоянии мириться с чувством горечи и вины было куда легче, а теперь ей предстояло проверить свою стойкость вблизи...

«Дура, зачем я приехала? – мысленно возопила Вера. – Сейчас опять разбережу душу, и прости-прощай с таким трудом обретенное спокойствие... – Паника достигла апогея: – Бежать, немедленно бежать!»

Вера выдернула свой локоть из цепких пальцев Кати и приготовилась развернуться, чтобы покинуть буфет, но было поздно – сидящие за столиком в углу Стас и Шура ее заметили.

Глава 2

1982 год

Верочка лежала в кроватке, накрытая с головой тюлевой занавеской, и разглядывала сквозь нее свою маму. То, что она видела, ей нравилось. У многих детей мамы были полными, крикливыми, с похожими кудрявыми прическами. А у Верочки – худенькая, невысокая, с крошечными ножками Золушки и тихим голосом, похожим на журчание ручейка. А еще у ее мамы была длинная толстая коса и завитушки над ушами.

– Что, моя девочка, спряталась? – улыбаясь, спросила Ульяна и направилась к Верочке, широко раскинув руки, чтобы обнять дочь.

– Мам-Уля! – Девочка выскользнула из-под занавески и прижалась своей румяной щекой к маминому плечу.

– Когда я тебя отучу от этой дурацкой привычки? – все так же улыбаясь, спросила Ульяна и потрепала дочь по льняным волосам. – Тебе уже почти семь лет, ты прекрасно говоришь. Скажи просто «мамуля».

– Мам-Уля! – взвизгнула Верочка и нырнула под тюль.

– Обезьянка ты моя, – прошептала мама.

Верочка начала говорить очень рано и к двум годам изъяснялась довольно свободно. Поэтому к ней постоянно приставали словоохотливые бабульки. «Как тебя зовут, девочка?» – спрашивали они и совали в пухлый кулачок Верочки выуженные из карманов карамельки с прилипшей к оберткам шелухой от семечек. «Веуня», – отвечала девочка гордо. «А маму твою как звать?» – «Мам-Уля». Бабки смеялись: «Ясно, что мамуля, а имя-то у нее есть?» – «Мам-Уля», – непонимающе настаивала Верочка. И матери приходилось объяснять, что зовут ее Ульяна, мама Уля то есть. Бабульки смеялись еще радостнее и одаривали Верочку очередной конфеткой.

Ульяна засмеялась, вспоминая те времена. Дочь тогда была очень разговорчивой, общительной, компанейской, а сейчас в основном с собаками бездомными общается. Подойдет к своре, погладит каждую и начинает им о жизни своей рассказывать.

– Ты чего это зарылась, Веруня? От кого прячешься? – Ульяна пощекотала дочери пятку.

Верочка дернула ногой и прыснула:

– Я – Спящая красавица!

– Да? А занавеску зачем с окна сняла?

– Мне нужны были кружева.

– Чтобы спрятаться?

– Нет! Чтобы накрыться. Это как будто хрустальный гроб.

– И ты теперь ждешь королевича Елисея, чтобы он тебя поцеловал и ты проснулась?

– Я уже проснулась, как ты меня поцеловала, мам-Улечка! – Верочка чмокнула мать в щеку и побежала в кухню. – Сухарика хочу...

Ульяна погрузилась в мысли. Спящая красавица – надо же! Каждой женщине, даже шестилетней, хочется быть прекрасной, похоже, а для ее дочери красота так и останется несбыточной мечтой.

Веруня была на удивление непривлекательным ребенком: хрупкая, головастая, белобрысая. Именно белобрысая, а не блондинистая, так как брови и ресницы у нее были настолько бесцветны, что казалось, их и вовсе нет. Ко всему прочему у девочки были совершенно черные монгольские глаза, которые при других волосах и более смуглой коже могли бы показаться красивыми, но на бледном Верочкином лице смотрелись, как две кляксы.

Когда Ульяна увидела свою дочь впервые, то даже испугалась – уж очень она была красненькая и сморщенная. А глаза малышки, пустые и черные, вечно слезились. Потом молодую маму успокоили, заверив, что почти все новорожденные не отличаются красотой, а уж коль

родительница так хороша, то и не стоит особенно беспокоиться. Что Ульяна и сделала – перестала беспокоиться. Однако время шло, а дочка не становилась краше, и женщина вновь начала волноваться по этому поводу.

– Мам-Улечка, там дядя Витя в окно стучит! – Девочка вбежала в комнату, на ходу вытирая усыпанный крошками подбородок.

Ульяна отбросила тюль и быстро прошла в кухню.

Жили они на первом этаже панельной четырехэтажки, и из окна их квартиры можно было не только видеть заросший сиренью палисадник, лавочку, облюбованную старушками, песочницу и угол школы, но и разговаривать со стоявшими на улице.

– Ульяна, я вам сейчас мешок картошки принесу, – сообщил куривший у их окна мужчина.

– Витя, спасибо, конечно, но зачем?

– Что значит зачем? Чтобы есть.

Дядя Витя подмигнул Верочке. Девочка хихикнула и спряталась за маму.

Вообще-то дядя Витя был единственным, кого она не боялась. Все же остальные взрослые, даже бабушки, нагоняли на нее страх. Хотя, если честно, детей она боялась еще больше, за исключением Стаса, дяди Витино сына. Вообще отец и сын Радугины были единственным друзьями Верочки и Ульяны. Дядя Витя им помогал – то кран починит, то гвоздь вобьет, а Стас защищал белобрысую соседку от нападок дворовой детворы. Весь же остальной мир Веру с мамой недолюбливал.

Мешок с картошкой благополучно перекочевал в их квартиру, дядя Витя ушел, мама отправилась в подвал искать место для овощей, а Верочка осталась одна. Пройдясь по комнате и не найдя ничего для себя интересного, она остановилась у зеркала. Отражающаяся в нем девочка Вере не понравилась – белесые ресницы, маленький рот, острый носик, красноватые диатезные щеки. Ужасная девочка! Вера швырнула в зеркало носком, который держала в руке, и бросилась к окну в надежде высмотреть Стаса.

На улице резвились дети. Компания из десяти человек играла с мячом. Называлась игра удивительно – «халихало». Верочке всегда хотелось поучаствовать именно в ней. Конечно, она не отказалась бы и от «стрел», и от «вышибал», но «халихало» ее привлекало именно своим названием – оно было таким загадочным, иноземным... Но ее никогда не принимали! Разве что позволяли постоять вместо столбика, когда девочки прыгали через скакалку.

Мяч взметнулся к темнеющему небу, кто-то пронзительно заголосил: «Ха-ли-ха-ло!», ребятня забегала, раздались хохот и писк. Вера, спрятавшись за занавеской, наблюдала за происходящим. Она увидела, как, мелькнув красным боком на фоне росших стеной тополей, мяч опустился и угодил в цепкие мальчишечьи руки. Счастливец возбужденно подпрыгнул, и волосы его взметнулись вверх, как ушки спаниеля. Мальчик был настолько красив, что все девчонки (даже взрослые, десятилетние), не могли оторвать от него глаз.

– Стас! – взвизгнула Вера, забыв о том, что она в укрытии.

Мальчик обернулся, длинные темно-каштановые кудри блеснули золотом в свете заходящего солнца.

– Веруня, иди сюда! – возбужденно крикнул он. Утер со лба пот и улыбнулся, отчего его синие глаза стали еще более лучистыми.

– А можно? – Вера робко высунулась в форточку.

– Иди, иди, нечего стесняться!

Вера пулей выбежала на улицу. Хоть она и знала, что ее примут только благодаря Стасу, все равно была рада.

С сыном дяди Вити девочка подружилась не так давно – с год назад. Раньше она его, конечно, видела и знала, что это сын Радугиных, но подойти и познакомиться боялась, а ему было не до нее. Стас рос на удивление активным пареньком, у него была куча друзей, подруг,

масса увлечений и способностей. Вера не раз замечала его за совершенно разными занятиями: то он чинил свой велосипед, то стрелял из самодельного лука, то рисовал мелками на асфальте, то воровал яблоки в чужих садах. Как раз совершая последнее, он и обратил на Верочку внимание.

Она тогда гуляла с Волком, своим любимым псом, огромным и добродушным, а Стас висел на заборе, зацепившись карманом своих новеньких джинсов за кол.

– Тебе помочь? – спросила Вера, видя затруднения соседа: дело было в том, что Стас никак не желал расстаться с добычей, которую сжимал обеими руками, вот и не мог помочь себе сам.

Мальчик стыдливо кивнул. Вера пересыпала яблоки себе в подол, после чего Стас благополучно освободился. С тех пор между ними завязалась дружба, скрепленная общей тайной.

Верочка выбежала во двор. Стас тут же отделился от толпы и замахал ей:

– Веруня, водить будешь?

Девочка благодарно кивнула и приняла мяч. Вообще-то подвижностью она не отличалась, но сейчас решила постараться, авось в следующий раз ее примут и без Стасовой протекции. Хотя на это вряд ли можно было рассчитывать – Веру дети не переносили. Почему, она не могла понять. Но еще более непонятно было, из-за чего взрослые не любили ее маму. Насколько дочь знала, у Ульяны не было друзей, она никогда не ходила в гости, к ней не забегали соседки за солью и не пытались с ней посплетничать. Только иногда в их доме появлялись тети с маминой работы, реже баба Саня, живущая с ними на одной площадке, ну и иногда дядя Витя со Стасом. Правда, один раз Вера слышала, как жена дяди Вити говорила соседкам, что он их просто жалеет...

Толстый мальчик Сережа из соседнего подъезда пихнул Веру в бок:

– Ты че застыла? Бросай давай!

Вера послушно подкинула мяч. Пока он летел к небесам, она успела заметить, что мама вышла из подвала и прошла, задумчивая и печальная (она всегда была такой, когда считала, что дочь ее не видит) в подъезд. Верочка знала, что мама сейчас опустится на диван, подложит под голову руку и начнет думать свою вечную, не ведомую никому думу. Вообще мамочка иногда бывала очень странной – отстраненной, грустной, даже чужой, и тогда она Веру пугала не меньше, чем все остальные взрослые. Девочка не могла понять причины такой метаморфозы и находила ее в себе. Конечно, как тут не закручиниться, когда единственная дочь такая неказистая, чахлая, недалекая! Вот если бы Вера была такой, как Стас, то есть смелой, смышленной и хорошенькой – темноволосой, кудрявой, крепкой, – ее бы все любили. Но она не такая! Верочка иногда даже хотела, чтобы мама родила еще кого-нибудь, сыночка или дочку, все равно, лишь бы у нее появилась радость в жизни, но мама всегда грустно улыбалась, когда девочка ей это предлагала. «Мы с тобой останемся вдвоем на белом свете», – говорила она и снова уходила в себя. Хотя почему вдвоем, когда у мамы есть родная сестра, живущая в соседнем городе? Правда, Верочка ни разу свою тетю не видела.

Ну и ладно, зачем ей тетя сдалась? Плохо было то, что Вера никогда не видела своего папы. Вернее, мама показывала его фотографию, но воочию... Ульяна рассказывала дочке, что ее отец был летчиком и погиб, когда Верочка была еще у нее в животике, и единственное, что осталось от него, это память и одна фотокарточка, с которой смотрел веселый светловолосый человек с милым открытым лицом.

– Чего застыла, дура? – услышала Вера и удивленно захлопала белесыми ресницами – она и не заметила, как задумалась. – Ты же водишь, кидай еще раз!

– Халихало! – выкрикнула Верочка и подкинула мяч.

Ребяшня заметалась, забегала, замахала руками. Веру больно толкнули в бок, она отлетела, попыталась вернуться в толпу, но побоялась. Так и осталась стоять в сторонке, только

успевая замечать, как мяч вновь и вновь взлетает к небу и опускается в чьи-нибудь цепкие ладошки.

В толпе мелькнула довольная физиономия Стаса. Он вновь оказался самым прытким, и мяч опять попал ему в руки. Вера вздохнула. Как ей хотелось стать такой же ловкой и бесстрашной! Особенно – бесстрашной, ведь Стас не боялся даже толстого Сережу, который уже перешел в третий класс. Вообще сын Виктора Радугина поражал всех, не только Веру. Своей красотой он бередил сердца девочек, смелостью – мальчиков, смекалкой – воспитателей в саду, обаянием – соседок. Ко всему прочему Стас был совсем не заносчив, хоть и являлся всеобщим любимцем и сыном большого начальника Виктора Сергеевича Радугина.

Мам-Уля, глядя на неугомонного синеглазого постреленка, всегда усмехалась и говорила, что девушки от него наплачутся, а потом начинала выпрашивать у Веры, не влюблена ли она в него. Девочка прыскала в кулачок и убегала. Вот еще придумала! Никогда Верочка не будет влюбляться, она так решила давно, еще маленькой, а тем более в Стаса, который ей просто хороший товарищ.

Верочка еще немного постояла у забора, надеясь, что ее заметят, но, так и не дождавшись, побрела домой. Может, мама и права: у них никого, кроме друг друга, в этом мире нет...

* * *

Верочка проснулась от шума.

Прислушалась. Тикали часы на тумбочке, в кухне чуть слышно бормотало радио, а в открытое окно врывался шум просыпающегося городка: лаяли собаки, кукарекали петухи, шуршали шинами одиночные машины. Что же ее разбудило?

Вдруг... Тук-тук-тук. Было ощущение, что кто-то бьет молотком по двери. Вера вскопчила, испугавшись, что это какой-нибудь грабитель решил проломить створку и ворваться в их квартиру.

– Мама! – взвизгнула она и накрыла голову подушкой.

В комнату вбежала испуганная Ульяна:

– Что такое?

– Кто там? – Вера высунула побледневшую мордашку из-под подушки.

– Где?

Мать оглянулась и, тоже услышав стук, замерла. Тук-тук-тук... Ульяна нахмурилась и направилась в прихожую.

– Не ходи, Мам-Уля, там воры! – крикнула ей в след испуганная Верочка.

Ульяна раздраженно тряхнула головой и распахнула дверь. У порога с молотком в руке стоял дядя Витя, а рядом с ним Стас, державший коробку с гвоздями.

– Тетя Уля, вы чего? Испугались? Мы с папой вам новый номерок прибываем, а то старый у вас уж больно страшный был, – выпалил Стас, сунул гвозди отцу и, отеснив Ульяну, вбежал в комнату подруги.

Вера еще не оправилась от испуга. Она сидела на кровати, грызла палец и смотрела на приближающегося Стаса. Мальчик, как всегда, был чуть лохмат, румян и с иголки одет. Просто удивительно, как он умудрялся при своей активности оставаться таким чистеньким. Наверное, его мама очень за ним следит. Вообще дяди-Витина жена Вере нравилась, несмотря на то что Уля считала ее высокомерной. Может быть. Но зато какая она красавица! У нее волосы блестящие, пепельные, спускающиеся до плеч, а руки всегда ухоженные, с перламутровыми ногтями. И глаза – синие-пресиние.

Стас был похож на мать. Те же четко очерченные губы, небольшой прямой нос, подбородок с маленькой ямочкой и, конечно, синие глаза. Только ресницы у мальчика были черными и длиннющими без всякой туши. От отца Стас взял темные волнистые волосы.

– В школу хочешь? – Стас взгромоздился на тумбочку и заболтал ногами в моднящих кроссовках «Ботас».

– Не-а.

– Почему?

– Боюсь, – честно призналась Вера.

– Чего?

– Не знаю.

– Странная ты. Собак не боишься, а людей... – протянул Стас, взглядываясь в бледное лицо Верочки.

– Собак я понимаю, вот и не боюсь.

– Как это?

– Они просто так никогда не укусят. Даже если ты их разозлишь, они сначала огрызнутся, клыки покажут, а уж потом... А люди другие. Они... они злые.

– А ты им в морду! – вытаращив глаза, выкрикнул Стас.

– Я не могу.

– Зато я могу. Мне скажешь, если кто обидит, я ему накостыляю. Поняла?

– Поняла, – улыбнулась Вера. Теперь ей в школу идти было не так страшно.

Стас удовлетворенно кивнул, попрощался и вышел.

Сначала он хотел отправиться на улицу – на велосипеде погонять или ящериц половить, но почему-то передумал. Не спеша поднялся на свой третий этаж, вошел в квартиру.

Дома у них было очень чисто и красиво. Особенно в зале, где и мягкая мебель, и хрустальная люстра, и цветной телевизор. Но все равно ему больше нравилась их старая квартира. Она хоть и была двухкомнатной с частичными удобствами, но в ней жилось как-то легче. И улицу ту он любил больше. Состояла она из двухэтажных кирпичных домов и частных деревянных, около которых были разбиты палисадники, где росли кустарники, ирисы и шиповник. По улице бродили куры, клубилась пыль и летали комки тополиного пуха, а в конце ее, если спуститься с пригорка, текла быстрая, мелкая, жутко холодная речка.

Стас тяжело вздохнул, вспомнив те времена. Здорово было! Хотя, если рассудить, то и здесь ему живется не так уж плохо. Конечно, до речки теперь идти минут двадцать, и в палисадниках кроме чахлах саженцев только трава, но зато рядом стадион, школа, клуб. Все хорошо, только девчонки надоедают постоянно – записочки пишут, обниматься лезут. Противно же, честное слово! Одна Верка нормальная. И почему ее все так не любят? Ну и что, что на белобрысую японку похожа, разве она виновата? Правильно отец говорил, ей и так несладко с такой внешностью, а тут еще дворовая ребятня Опарышем ее обзывает. Надо, говорит отец, девочке помочь, защитить. А Стас не против. Ему тоже не нравится, когда на человека нападают только потому, что он не такой, как все. Вот и мать Веркину невзлюбили. Почему? Да потому что у нее мужа нет и не было, говорят, никогда. Может, и правда не было, да только кому какое дело! Вот так рассуждал Стас. И отец его так же считал, поэтому и помогал Чайкам (это фамилия такая у Веры и Ульяны), хоть мама и ругалась. «Я – коммунист, – говорил папа, – и обязан людям добро делать, а ваши предрассудки мне противны». Стас не знал, что такое предрассудки, но общий смысл папиных слов уловил и подписался под каждым, даже под непонятным.

Вообще отец для Стаса был непререкаемым авторитетом. Ему он доверял, к его речам прислушивался. Да и внешность хотел бы иметь папину – может, тогда бы девчонки к нему не липли. Вон отец какой строгий, суровый, но красивый, вернее, не красивый, а как шушукались соседские тетки, привлекательный: смуглый, носатый, с квадратным подбородком, пронзительными карими глазами и густыми, сросшимися на переносице бровями.

Короче, отца Стас уважал. А мать любил безмерно. Ему нравилось в ней все: и красота, и сдержанность, и умение держать себя в руках в любой ситуации, и даже холодность. Да, с другими она была холодна. Со всеми, даже с мужем, но только не с ним. Стаса она обожала,

ласкала и лелеяла, сын же готов был ради нее на все. Однажды, в день ее рождения, он опустошил цветочную клумбу перед клубом и положил охапку бархоток к ногам мамы. Конечно, ей потом пришлось заплатить штраф, но она ни разу не упрекнула Стаса за столь необдуманный, но романтичный поступок. Да и как она могла обвинить сына в том, чего всегда ждала, но не могла дожидаться от мужа, – безумства?

Даже когда Виктор за ней ухаживал – упорно, настойчиво, преданно, он никогда не позволял себе романтических безумств. Если визит, то минута в минуту, если прогулка, то по определенному плану, если цветы, то покрупнее. Виктор был педантичен, прагматичен, даже приземлен, но напорист, как торнадо.

Познакомились будущие супруги Радугины в сельхозинституте. Ольга там училась, а Виктор чинил канализацию: она была успешнейшей студенткой, он – приходящим сантехником. Он влюбился в нее сразу, она в него – только когда поняла, что у нее нет выбора.

У Ольги к тому моменту, как Радугин выбрал ее своей дамой сердца, был жених-аспирант и дюжина поклонников, у Виктора не было ничего, даже квартиры. Но его это не останавливало. Каждый вечер он встречал ее у аудитории, а если Ольга не приходила на занятия или пряталась от надоедливого слесаря, то находил ее и дома, и в укрытии – по наитию. Он бил ее ухажеров. Он втерся в доверие к ее родителям. Он даже их собаку заставил признать себя. Ольга не знала, куда ей деваться от его любви. Конечно, если бы он был груб, несдержан, она бы... Но Виктор всегда оставался с ней безукоризненно галантным, внимательным – и непоколебимым, даже когда она обрушивала на него проклятия.

Прошел год. Аспирант, устав от тени своей невесты в лице крупного, широколицего, бровастого парня, ретировался. Другие поклонники разбежались еще раньше. Остался только Виктор. Но и тогда у Ольги не было даже мысли о том, что этот деревенщина в чистеньком убогом костюмчике станет ее мужем. Она еще не знала, что от судьбы не уйдешь.

Через полгода Виктор пришел свататься. Ольга истерически рассмеялась, швырнула букет из трех гвоздик ему в лицо и сказала все, что о нем думает: «Ты – быдло, ничтожество, дегенерат и неудачник». Он стоически выслушал ее отповедь, развернулся и пропал из Ольгиной жизни. Как она думала, навсегда.

Но она ошибалась. Как только Ольга перестала вздрагивать, когда кто-то звонил в их входную дверь, Виктор объявился: он подошел к ней в коридоре института, показал зачетку и ровным, уверенным голосом сказал следующее: «Я поступил в вуз, через пять лет стану молодым специалистом, еще через пять начальником цеха, в тридцать я буду замдиректора, в сорок директором, в пятьдесят председателем обкома партии, в шестьдесят генеральным секретарем ЦК КПСС. Станешь моей женой?»

Сначала она хотела снова поднять его на смех, унижить, оскорбить, но что-то в его темных, почти черных глазах заставило ее задуматься. И поверить ему.

Его женой она стала лишь спустя пять лет, когда он с красным дипломом закончил институт.

Эту историю Стас знал наизусть, правда, без ненужных подробностей. Из нее он сделал два вывода: первый – мужчина всегда должен добиваться своего, второй – любовь творит чудеса. Последнее не переставало его удивлять, а вот первое он безоговорочно принял как свой девиз. Он станет таким же сильным, упорным и уважаемым человеком, как и его отец.

И сейчас Стас вздернул подбородок, сдвинул брови, пытаясь сымитировать отца, и грозно глянул на смешного розовощекого мальчишку в зеркале. Мальчишка надулся, выпучил глаза, а потом залился безудержным хохотом. У него был повод для радости – ведь скоро первое сентября.

* * *

Стоял изумительный день. Небо было чистым, солнце по-летнему ярким, ветерок, теребящий еще зеленую листву, ласковым. Шура подтянула гольфину, встряхнула букет астр, сворованных в соседнем саду, и, шикнув на кур, направилась к школе.

Площадь перед ней уже была запружена нарядными детьми и их родителями. На фасаде алел транспарант «1 сентября – День знаний!», висели воздушные шары и флаги. Из рупоров неслась бодрая пионерская песня. На флагштоке посреди площади болталось еще не поднятое красное знамя.

Шура влилась в толпу. Протиснулась к крыльцу. Встала на ступеньку. Вообще-то на первую торжественную линейку ее должен был провожать отец (мама трудилась уборщицей в этой школе), но он дрых после вчерашнего переоя, и Шура решила его не будить, дабы не опозориться перед будущими товарищами. В конце концов, не маленькая, сама разберется куда идти.

В рупоре затрещало, марш оборвался, дети насторожились, родители взволнованно зашептались: «Начинается, начинается...» Но после секундного молчания рупор выплюнул новый аккорд. Все опять загалдели. Шура, удобно стоявшая на возвышении и имевшая возможность обозревать всю площадь, заинтересовалась одной парой. Пара была странная: хрупкая женщина с косою и тонким лицом, совсем не подкрашенным, и белобрысая девочка с нелепым бантом. Вернее, бант был нормальным, как у всех – белым, гофрированным, но очень уж смешно он смотрелся на маленькой головке незнакомки да еще по цвету сливался с волосами, поэтому казалось, что это не красиво завязанная лента, а уродливый нарост на темени.

Шура горделиво тряхнула головой. Конечно, у нее волосенки тоже жидковаты, но по сравнению с паклей белобрысой девочки – они просто грива... И вообще, почему она так переживала, что будет выглядеть хуже всех? Может, форма у нее и не новая, и гольфы ей подарили, и портфель мальчишечий, но та девочка с покрасневшими глазками смотрится много хуже ее, хоть на ней и новехонькая одежда.

Уверившись в своей неотразимости, Шура потеряла к незнакомке всякий интерес. Она перевела взгляд в другую сторону и увидела, как от близстоящего кирпичного дома в ее сторону направляется мальчик. Шура хотела махнуть ему приглашающе, типа залезай ко мне, познакомимся, но так и осталась стоять в бездействии. Рука, занесенная было для взмаха, повисла, слова застряли в горле, а весь окружающий мир вдруг исчез, даже бравадная песня и треск из репродуктора, казалось, оборвались. Все перестало существовать в тот миг, когда Шура разглядела лицо мальчишки.

Она не поверила, что такие глаза и улыбка могут принадлежать обычному пацану с соседней улицы. Этого просто не может быть! Мальчик, который стремительно шел в ее сторону и небрежно помахивал огромными гладиолусами, не иначе как принц из сказки. А его волосы! Ни у кого, даже у старшеклассников, нет такой прически. Шура огляделась, так и есть, все мальчишки пострижены традиционно, «под 40 копеек» – ровная челка, обрубленные виски. А у этого Маленького принца длинные локоны, блестящие, темные, отливающие золотом, спускающиеся почти до плеч. А еще у него была ямочка на подбородке...

Красавчик был уже совсем близко. Шура подалась вперед, надеясь, что он идет к ней не случайно и теперь, забравшись на ступени, скажет: «Привет, как тебя зовут?» Но он даже не посмотрел на нее, просто вспрыгнул на перила, перекинул ноги через них, скатился вниз и, все так же размахивая букетом, понесся к белобрысой девочке. Дурнушка просветлела лицом, когда он по-свойски обхватил ее за шею, и что-то затараторила. Шура напрягла слух, но слов расслышать не успела. Потому что над головой раздалось явно обращенное к ней:

– Ты чего тут? Все перваши внизу!

Шура обернулась. Рядом стояла невысокая плотная женщина со светлыми волосами, небрежно собранными в пучок. На ее лице – широко, с мелкими неправильными чертами – выделялись только пигментные пятна на щеках и зеленоватый, уже начинающий проходить, синяк под глазом. Одета она была в синий халат, тапки и хлопковые гольфы. Женщина производила неприятное впечатление, но Шура ей обрадовалась, поскольку та была ее матерью.

Маму звали Зина Одинец, в народе просто Швабра. Было ей всего тридцать, о чем никто не догадывался.

Зина вышла замуж за Шурино папу по большой любви. До встречи с ним чувство это было ей неизвестно, так как испытывать его было не к кому. Мать, сухая, строгая, деспотичная учительница, не будила в Зине и намек на любовь. Родила она свою дочь в сорок лет, что называется, для себя. Хотя Зине было непонятно, зачем ей понадобился ребенок, коль ни тепла, ни ласки она не собиралась ему давать. Догмы, правила, требования и ограничения – вот все, из чего состояла Зинина жизнь в родительском доме.

Окончив школу, к слову, средненько, несмотря на муштру, она сбежала из города с заезжим солдатом. Служивый ее бросил через месяц, демобилизовавшись и отправившись к себе на родину, где его ждала невеста. Зина перешла в другие солдатские руки, потом в третьи. Жена полка – так ее звали.

К двадцати двум годам уже могла похвастаться тем, что через ее постель прошло около сотни мужчин. Правда, рекордом Зина не гордилась, но и не испытывала ни угрызений совести, ни сожаления, считая, что лучше жить так, чем с матерью. Жизнь ее круто изменилась, когда в часть, в которой она прикармливалась, попал удивительный юноша с зелеными глазами. Мальчика звали Леней, ему было восемнадцать, и он стал Шуриным отцом.

Зину он полюбил со всей страстью девственника. Она его – со всей нерастраченной нежностью. Зина стирала его портянки, таскала ему варенье, печенье и сигареты, за которые расплачивалась своим коренастым телом. Ради нее, когда срок службы закончился, он не вернулся в родной город, рассорившись с семьей и бросив учебу. Этого, наверное, он и не смог простить. Ни себе, ни ей.

Пить он начал почти сразу после женитьбы. Пил много, до невменяемого состояния. И дойдя до него, бил Зину, Шуру, попадающих под руку соседей, за что часто попадал на пятнадцать суток в милицию. Работал Леня от зарплаты до зарплаты, то есть, получив деньги за свой неквалифицированный труд то грузчика, то дворника, тут же уходил в недельный запой, а выйдя из него, обнаруживал, что с работы его уже выгнали. После этого он пил с горя на те гроши, которые удавалось выручить за сворованные в собственном доме вещи.

Шура недоумевала, почему мать с Леней живет. Ведь ни помощи, ни поддержки она от него не видит. Но Зина только вздыхала, когда дочь задавала ей такой вопрос, и изрекала: «Он мой крест». Может, так, но почему тот же крест должна нести и она, семилетняя девочка, Шура не понимала. Еще более непонятно ей было, зачем мать решилась родить еще одного ребенка. Дело в том, что сейчас Зина была на шестом месяце и, на удивление соседям, не выказывала по этому поводу никакого беспокойства.

Шура вздохнула. Ей было жалко будущего ребенка, еще до рождения обреченного на скотское существование: вечно грязная комната в бараке, где ему отгородят уголок, хлеб с маргарином на завтрак, пустые макароны на обед, латанные вещи круглый год и никакой надежды на лучшую жизнь.

Жалкий Шурин всхлип потонул в пронзительном звуке горна. Девочка испуганно завертела головой. Оказалось, что за горькими думами она не заметила, как начался праздник. А между тем нарядный горнист и не менее нарядные барабанщики покинули центр площадки, уступив место дородной женщине с высокой прической. Шуру она не интересовала, гораздо больше девочка жаждала увидеть синеокого принца. Она встала на цыпочки, вытянула шею и стала вертеть головой туда-сюда, туда-сюда...

Он стоял совсем близко, всего через пять человек от нее, а рядом с ним грустила та самая белобрысая дурнушка. Принц, запихнув букет под мышку, исподтишка пулял в стоящих в первом ряду бумажными шариками. Шурино сердце екнуло в очередной раз и провалилось куда-то, и девочка поняла, что знает теперь, ради чего она рождена на свет, ради чего страдает и мучается. В тот миг, когда ее сердце достигло дна пропасти, Шура сказала себе: «Я выйду за него замуж!»

* * *

Верочка стояла, подперев своей худенькой спиной забор, и старалась не обращать внимания на издевательские выкрики одноклассников. «Опарыш, опарыш!» – доносилось со всех сторон. Мерзкое, отвратительное прозвище, но она к нему привыкла. И научилась не вздрагивать, услышав его. И уже не рыдала, стоило кому-нибудь произнести это слово. Но как Вера ни крепилась, как ни старалась казаться равнодушной, ей не удавалось не замечать его. Ее выдержки хватало только на то, чтоб не показать, как ранит ее мерзкое прозвище Опарыш.

Хорошо хоть этим все и ограничивалось. То есть Верочку обзывали, но не били. Как, например, ее одноклассника Олежку Яшина. Чернявого, вечно сопливого мальчугана с таким глупым пучеглазым лицом, что на первый взгляд он казался дебиллом. Особенно бессмысленное выражение его лицо приобретало, когда кто-нибудь из хулиганов отвечивал ему пинка. Вот и сейчас Олежка получил по заднице от самого главного задиры класса Петьки Кочетова в тот момент, когда наклонился, чтобы завязать шнурок. Это было не больно, но очень обидно. Тем более что получил пинок Олежка на глазах у Кати Старковой, в которую был, как и остальные мальчишки, влюблен.

Верочка внутренне содрогнулась, представив, что когда-нибудь и ей может достаться подобный пинок. Но ее не трогали. Однако не потому, что она девочка, а девочек бить нехорошо: отколотили бы уже давно, если бы не Стас. Заметив как-то, что Верочку толкнул один из одноклассников, он так его швырнул, что мальчишка улетел в кусты, а потом побежал жаловаться на Радугина учительнице. Стаса отчитали за его рыцарство перед всем классом и велели ему пообещать, что больше он драться не будет. Он сказал, что постарается, но не ручается за себя в том случае, если еще кто-нибудь тронет Веру Чайку. После этого Верочку никто не пытался толкать, швырять или пинать, зато обзывать стали чаще и злее. Естественно, в отсутствие Стаса.

Сегодня его вообще в школе не было. Вчера, играя в футбол, он упал и сильно разбил коленку, и мама Стаса решила, что сыну нужен постельный режим. Вера осталась без своего защитника и теперь сполна получала от одноклассников. Ее обзывали уже третью перемену, а на уроках подкидывали записки, где было выведено все то же мерзкое слово – «Опарыш».

До конца занятий оставалось всего половина перемены и один урок, так что конец Верочкиных мучений был близок. Через пять минут прозвенит звонок, начнется последний урок, и она пойдет домой, где тихо и безопасно и можно спокойно поплакать...

Удар был неожиданным. Верочка так глубоко задумалась, что не заметила, как к ней подкрался Петька Кочетов. Подкрался, налетел и больно стукнул кулаком в плечо. Вера ойкнула от боли и захлопала увлажнившимися от мгновенно выступивших слез ресницами. «Ребя! – закричал Петька. – Зырьте, как Опарыш ныть будет!»

Верочка не желала, чтоб на нее зырили, поэтому решила убежать, но Кочетов не дал ей двинуться с места: схватил за плечи и прижал к забору. Верочка хотела было оттолкнуть Петьку, но, поняв, что тот гораздо сильнее, заплакала в голос.

– Чего реवेशь? – услышала она гневный голос одноклассницы Шуры Одинец. – Слезами горю не поможешь. Дай ему в глаз, чтоб больше не задирался!

Затем она подлетела к Кочетову, рванула его за плечо и, когда мальчишка обернулся, врезала ему своим маленьким, покрытым цыпками кулачком.

Петька сразу позабыл о Верочке и кинулся на Шурку. Но в ее лице он нашел такую сильную соперницу, что не смог девчонку одолеть. Одинец дралась, как дикая кошка: кусалась и царапалась, а также молотила противника кулаками. Неизвестно, чем бы закончилась потасовка, если бы не звонок. Когда он прозвенел, драчунам пришлось прекратить свой «спарринг» и бежать на урок. Но Шура, перед тем как умчаться в класс, бросила Вере: «Если обидит кто, мне говори!»

Вообще-то Шура пыталась с Верочкой подружиться уже не раз. Заговаривала с ней, звала играть и даже предлагала откусить от ее яблока. Но Вера на все попытки сблизиться отвечала одинаково: молча трясла головой и уходила. Прежде всего потому, что опасалась подвоха. А еще она Шуру Одинец побаивалась. Но не из-за проявляемой ею агрессивности (обычно та была довольно милой, а дралась и обзывалась, только если кто-то пытался ее обидеть), просто Одинец очень отличалась от остальных девочек. И не только внешним видом. Да, Шура носила очень изношенные и не всегда чистые вещи, да, ее волосы были вечно в беспорядке, и она таскала мальчишечий портфель, но это ничего не значило. Девочка была крайне независимой и не по годам развитой. Она знала, откуда берутся дети, как гонят самогон и как можно безнаказанно воровать пятикопеечные рогалики в магазине самообслуживания. Тихая, если не сказать, забитая Верочка, слыша ее рассказы, внутренне содрогалась и говорила себе, что никогда не станет дружить с Одинец.

Но после той памятной драки на школьном дворе они все же подружились. Стаса мама в школу и на следующий день не пустила, а Верочку должен был кто-то защищать... Да и в общении она нуждалась. Нельзя же целый день молча сидеть в углу!

После уроков Шура позвала Верочку к себе в гости. Та и хотела бы отвертеться, да кто ее спросил? Новая подруга просто вцепилась в локоть и потащила в направлении своего дома.

Обиталище Одинец произвело на Веру шокирующее впечатление. Вера с мамой жили небогато (в сравнении, например, с Радугиными), но у них наличествовала вся нужная для комфортного существования мебель, имелся водопровод и было чисто. В Шурином же доме все было не так. Вместо кроватей матрасы на полу, роль унитаза исполняло ведро с отломанной ручкой, а по кухне среди бела дня бродили тараканы, заползая на раскиданные корки хлеба. Но это оказалось не самым страшным! Ужаснее всего было то, что в комнате на диване сидел мужчина в одних трусах и с закрытыми глазами орал: «Всех поубиваю, падлы коровячьи!»

Услышав этот выкрик, Верочка так испугалась, что хотела убежать, но Шура, не проявив ни единого признака испуга, успокоила подружку:

– Не бойсь, Верка, дрыхнет он. Всегда, как нарежется, спросонья орет.

Веруня с пьяными мужчинами лично не сталкивалась, хотя иногда видела таких во дворе, когда они в домино играли. Но те хоть в субботний вечер собирались, а Шурин отец был пьян в будний день. К тому же матерился так, что бедная Верочка хотела заткнуть уши.

– Я домой пойду, – пролепетала она. – Можно?

– Ладно, – живо согласилась Шура. – Только по справедливости будет, если теперь ты меня в гости пригласишь...

Верочка, у которой, кроме Стаса, ставшего почти родным, дома еще никто не бывал, в замешательстве задумалась. Она не представляла, что они с Шурой будут делать, когда придут к ним домой. Играть в куклы, смотреть телевизор, пить чай? Но кукол у Верочки мало, телевизор плохо показывает, и чтобы чай приготовить, надо газ включить, а мама не разрешает в свое отсутствие к плите подходить. Но тут Шура воскликнула:

– А может, Стаса навестим? Он же болеет... – Шура уже подталкивала Верочку к выходу. – Стас ведь в твоём доме живет?

– В моем подъезде.

– Еще лучше! – И Одинец вновь бесцеремонно схватила Верочку за локоть, потащила через двор к дому, где обитали Чайки и Радугины.

Верочка знала, что Стас будет недоволен, если она приведет к нему в гости Шуру: с девочками он предпочитал не водиться. Тем более с теми, кто был к нему равнодушен. А в том, что Шура Одинец относится к числу горячих поклонниц Стаса, можно было не сомневаться. Подтверждение этому Верочка получила тут же.

– Ве-е-ер, – протянула та вопросительно, – а ты Стаса любишь?

– Я? Стаса? Нет, что ты, мы просто друзья, – не покривила душой Вера. Она любила только одного человека – свою маму.

– Да ладно, – не поверила Шура. – Все девочки в нашем классе, и не только в нашем, по нему сохнут...

– А я нет.

– Странная ты... – пробормотала Шура. У нее просто в голове не укладывалось, как можно относиться к Радугину равнодушно. – А я Стаса люблю! – страстно воскликнула она. – И выйду за него замуж!

Веру очень удивило ее заявление. Сама она, к примеру, совсем не собиралась замуж. Но если и соберется, то лет через пятнадцать, а планировать свою жизнь на столько лет вперед глупо...

Тем временем девочки добрались до Вериного подъезда и вошли в него. Поднялись на этаж Стаса. Позвонили в его квартиру. Когда мальчишка открыл дверь, поздоровались: Вера сконфуженно, Шура радостно. Последняя засунула руку в карман своего выдавшего виды школьного фартука и достала из него побитое со всех сторон яблоко.

– Это тебе! – сказала Шура и поздоровалась с болящим: – Привет!

– Здорово, – не очень приветливо посмотрел на нее Стас.

– Мы тебя навестить пришли, – сообщила Вера.

– А че меня навещать? Не помираю же, – резонно удивился Стас. – Ну проходите, раз пришли...

Вера переступила порог квартиры Радугиных. Делала она это много раз, поэтому не удивилась шикарной обстановке. А вот Шура аж дар речи потеряла, едва войдя в прихожую. Хорошо, что Стас смотрел не на нее, а на Веру.

– Никто не обижал? – поинтересовался он у нее.

– Нет, – покачала та головой. – Меня Шура защищает...

Стас сразу сменил гнев на милость и стал смотреть на незваную гостью более благо-склонно.

– Во что играть будем? – спросил он. – Только, чур, не в больницу и не в дочки-матери! – И красноречиво воззрился на Верочку, чьими любимыми играми являлись перечисленные.

– Давайте в трех мушкетеров, – предложила Шура. – Ты будешь Атосом, я Портосом, а Верка Арамисом.

– Да какой из Верки мушкетер? Хоть бы даже и Арамис... – фыркнул мальчишка. – К тому же я хочу быть д'Артаньяном! – Он схватил длинную обувную ложку и начал махать ею точно шпагой.

– Тогда пусть она Констанцией будет, а я – Миледи.

– Миледи, я вызываю вас на дуэль! – вскричал Стас, швырнув Шуре зонтик-трость. – Защищайтесь, сударыня! – И, невзирая на боль в ноге, ревно пошел на врага.

Шура отбила его атаку и тут же ринулась в наступление. Стас, рыкнув: «Три тысячи чертей!», запрыгнул на диван, Шура последовала за ним, и «дуэлянты» вновь скрестили «шпаги». Все то время, что они изображали д'Артаньяна и Миледи, Вера-Констанция тихо сидела на стульчике и счастливо вздыхала. Теперь у нее два настоящих друга. И что бы Стас ни говорил, отныне они вправду как три мушкетера: один за всех и все за одного!

Глава 3

Наши дни...

Допрос длился уже полтора часа. Вера устала сидеть на жестком, будто специально подобранном для того, чтобы доставить ей физические страдания, стуле. Но еще больше она устала повторять одно и то же. А следователь все задавал и задавал ей один и тот же вопрос:

– Это вы убили Радугина Виктора Сергеевича?

И Вера неизменно отвечала:

– Нет, я не убивала Радугина.

– Но вы же сами сказали, что ударили его кулаком по лицу.

– Да, ударила.

– И он упал?

– Совершенно верно.

– Стукнулся головой о батарею?

– Было дело. Но после падения Виктор Сергеевич встал на ноги.

– Вы в этом уверены?

– Стопроцентно.

– И что он сделал после того, как поднялся?

– Я же вам уже сказала, что: попытался удержать меня в кабинете, – едва сдерживая раздражение, процедила Вера. – Но я ушла.

– Для чего он собирался вас задержать?

– Наверное, хотел продолжить разговор. Да у меня не было желания вести диалог дальше.

– О чем же вы говорили?

– Это не имеет отношения к делу.

– Еще как имеет! – запальчиво возразил следователь. Его фамилия была Блинов. – Как и то, из-за чего вы его ударили.

И он впился взглядом в Верино лицо. Блинов носил очки, и из-за довольно толстых стекол его и без того небольшие карие глаза казались злобными щелочками. Вере было не по себе под его колючим взглядом, но она, не теряя видимого спокойствия, проговорила:

– Я не буду отвечать... Это личное.

– То есть к покойному вы испытывали личную неприязнь?

– Да, испытывала. Но я его не убивала.

– За что вы ненавидели Виктора Сергеевича?

– Неприязнь и ненависть – разные вещи, – начала закипать Вера.

– Возможно. Но людей, которые просто неприятны, по лицу кулаком не бьют. А вот тех, кого ненавидят...

Вера оставила без внимания это глубокомысленное заключение. Она думала о том, что зря согласилась на допрос без присутствия адвоката. Уж он-то не позволил бы следователю мурыжить ее полтора часа...

– Я вижу, вы устали, – сказал вдруг Блинов.

– Очень.

– Тогда почему отказываетесь помогать следствию? Ответьте откровенно на мои вопросы, и я вас отпущу.

– А я разве не отвечаю?

– Нет, Вера Николаевна, вы по неизвестной мне причине скрываете, за что ударили господина Радугина.

– Да поймите вы, я не могу вам сказать, за что!

– Тогда просто передайте суть предшествующей беседы. А уж я сам сделаю выводы.

– Мы беседовали о личном. О том, что касалось только меня и Виктора Сергеевича.

– Вы были с ним настолько близки?

– Мы знакомы чуть ли не с моего рождения. Когда-то жили в одном подъезде. Я дружила с его сыном, а с самим Виктором Сергеевичем вместе работала после института...

– Вернее, на него.

– Да, если быть точной, то на него. Он был одним из совладельцев Первого коммерческого банка, в котором я работала начальником информационно-вычислительного отдела. Конфликт между нами возник именно тогда...

– Из-за чего?

– Господин Радугин занимал пост вице-мэра, поэтому имел доступ к бюджетным деньгам... – Вера многозначительно посмотрела на Блинова. – Мне продолжать или вы сами все поняли?

– Хотите сказать, что Радугин прокручивал зарплату учителей и врачей в своем банке? Я помню, в те времена людям месяцами не платили, тогда как некоторые словно сыр в масле катались...

– Катались именно те, кто эту самую зарплату врачей и учителей клал на срочные вклады коммерческих банков, получая колоссальные проценты. А теперь представьте, что вы не только вкладчик...

– Но и владелец банка?

– Двойная выгода.

– Что ж, понятно... – Блинов помолчал. – В принципе, вы не открыли для меня Америку. Ни для кого не секрет, что в середине девяностых этим грешили многие...

– Да, многие. Но я всегда считала Виктора Сергеевича благородным человеком и честным политиком, поэтому, когда узнала, что он такой же, как все, разочаровалась в нем и не могла не высказать своего мнения... В общем, мы поругались, и я вынуждена была уйти из банка, а чуть позже покинуть город.

– И вновь вы встретились с Радугиным только сегодня?

– Точно так. По прошествии десяти с лишним лет.

– Это была его инициатива – побеседовать с вами?

– Да. Именно Виктор Сергеевич подошел ко мне в так называемом кабинете для особо важных персон и сказал, что хотел бы поговорить наедине. После чего увел меня в пустующий класс.

– А что было до того? Расскажите все с самого начала. Итак, вы подъехали к школе... Дальше?

Вера принялась излагать факты. Она подробно рассказала о встрече с Петей Кочетовым, Олегом Яшиным, Катей Старковой, а вот о том, как увиделась с Шурой и Стасом, лишь вскользь упомянула, боясь продемонстрировать ненужные эмоции. Те самые, что всколыхнулись в душе при виде них...

Вера вспомнила тот момент, когда встретила взглядом с Шурой, а потом со Стасом, и сердце ее забухало точно так же, как раньше. Только сейчас оно быстро унялось, а тогда... Не обхвати ее Олежка за плечи, Вера, возможно, все же убежала бы, чтобы никто не увидел, как напряглось и побледнело ее лицо...

Шура очень мало изменилась за десять с лишним лет. Вера этого не ожидала. Она думала, что Шура как минимум поправится (она всегда была, несмотря на не очень хорошее питание, плотненькой), но у той явно был тот же сорок восьмой размер, что и в двадцать лет. Еще Вера опасалась, что бывшая подруга сопьется – гены никуда не денешь, однако на лице Шуры не обнаружилось ни одного признака алкогольной зависимости: ни отеков, ни мешков под глазами, ни проступающих сквозь кожу капилляров. Морщинки появились, это да, но тут не было ничего удивительного, поскольку на дорогую косметику у нее, сразу видно, денег нет. Шура

была очень скромно одета, а из украшений Вера заметила на ней лишь недорогую серебряную цепочку с крестиком. Одинец теребила ее в руке, когда разговаривала со Стасом, и едва не порвала, стоило ей увидеть Веру.

– Чайка? – удивленно воскликнула она, приподнимаясь на стуле. – Неужели ты?

Вера молча кивнула.

– Рада тебя видеть! – с улыбкой сказала Одинец. И в ее улыбке не было ни грамма фальши. Только она быстро потухла, – потому что во рту у Шуры не хватало нескольких зубов. – И вас, ребята, тоже рада видеть, – обратилась она к остальным. – Берите стулья, садитесь, здесь всем места хватит!

Олежка тут же ринулся искать свободные стулья. Катя опустила на единственный пустующий, а Петр направился к бару. Только Вера не двигалась, смотрела на Стаса, который тоже не сводил с нее глаз. Синих-пресиних, как раньше...

А вот волосы его стали другими: пепельными от седины. И очень короткими. Из-за цвета волос и лаконичной прически Стас выглядел старше своих лет. Не знай Вера, что Радугин ее ровесник, дала бы ему полные сорок.

– Чайка, ты чего стоишь? Садись, – услышала Вера за спиной голос Олега. Оказалось, он притащил для нее стул и поставил рядом со своим.

Вера поблагодарила его кивком и села. Она больше не смотрела на Стаса. Как и он на нее. Более того, они не сказали друг другу ни слова. Вера общалась с остальными, а Стас по большей части молчал, лишь иногда бросал короткие реплики. А вот Катя трещала без умолку. И Петр много говорил. Оба хвастались своим достатком. И если Вера понимала, каким образом разбогател Кочетов, то как Старкова умудрилась стать владелицей хорошей квартиры и шикарной машины, можно было только гадать (не спрашивать же напрямую!).

За столиком они просидели около часа, пока не закончилась торжественная часть. Как только те, кто на ней присутствовал, хлынули в буфет, Петр поднялся со стула и провозгласил:

– Хочу напоследок выпить за вас, ребята! – Он поднял наполненный коньяком фужер. – Рад был всех увидеть, но теперь вынужден распрощаться... – Петр бросил взгляд через распахнутую дверь в коридор. – Смотрю, Ромашин уже приглашает гостей в VIP-кабинет, так что...

– Да, нам пора, – чирикнула Катя. – Стас, а ты что сидишь? Ты ведь тоже в числе приглашенных.

– Не пойду, – отмахнулся тот. – «Оброк» школе я уже заплатил пятью компьютерами. Детские песни-пляски меня как-то не вдохновляют, а бутербродов с икрой минтая я и дома поем.

– Тогда отдай свой приглашенный кому-нибудь. Например, Шуре... – На Катином лице мелькнула издевательская улыбка, а красноречивый взгляд скользнул по дешевому платью бывшей одноклассницы. – Может, ее бутерброды с икрой минтая вдохновят...

Шура, услышав это, вспыхнула. Стас нахмурил густые брови. А вот Олег с Петром, казалось, не поняли намека – первый продолжал уплетать фисташки, запивая их безалкогольным пивом, а второй застегивал пиджак и поправлял галстук. Закончив приводить себя в порядок, Кочетов сказал:

– Приглашенный лучше отдать Вере. Уж коль Ромашин собирает всех более-менее значимых людей, то Чайке как раз место в VIP-кабинете.

Стас молча протянул Вере приглашенный билет. Помедлив секунду, она его взяла. Ей хотелось поскорее покинуть буфет, а тут появился замечательный повод. Да и на нужды школы, пожалуй, можно немного пожертвовать, как-никак семь лет в ней отучилась...

– Вера Николаевна! – услышала она далекий голос следователя Блинова. – Вера Николаевна, очнитесь! Я дважды задал вам вопрос, а ответа так и не услышал...

– Простите, я задумалась, – встряхнувшись, сказала Вера. – О чем вы спрашивали?

– Отправляясь на фуршет в VIP-кабинет, вы знали, что встретите там Виктора Сергеевича?

– Нет.

– А если бы знали?

– Не пошла бы туда.

– Из-за боязни не сдержат эмоции и ударить его? – язвительно проговорил следователь.

– Мне просто не хотелось его видеть. Этот человек был мне неприятен, а от таких я всегда стараюсь держаться подальше.

– Почему же согласились побеседовать с ним наедине?

– Господин Радугин был очень настойчив. Увидев меня, он сразу подошел и стал спрашивать о том, как я живу, где, с кем, то есть вел себя так, будто мы и не ссорились. Я отвечала сухо, и Виктор Сергеевич, видимо, решил, что мне просто неудобно говорить при людях. Тогда он попросил у Ромашина ключ от какого-нибудь пустующего класса. Тот дал, и Радугин пригласил меня туда. Я отказалась идти с ним. Но надо знать Виктора Сергеевича. Это человек, который не принимает отказов. Он просто взял меня под руку и повел к двери. Я вынуждена была последовать за ним, так как не хотела устраивать сцен при людях.

– Что ж, понятно, – протянул Блинов, снимая очки, чтобы протереть глаза. Без них его лицо было совсем иным: мягким и трогательным. И Вера только сейчас заметила, что следователь еще очень молод. Пожалуй, ему нет и тридцати. – При людях сцен закатывать не хотели, а наедине устроили мордобой!

– Я очень сожалею, что дала волю рукам, – сухо бросила Вера. После чего вытянула затекшие ноги, выгнула спину, давая отдых позвонкам, и с тяжелым вздохом спросила: – Вы еще долго меня допрашивать намерены? Если да, дайте хотя бы другой стул...

– Нет, Вера Николаевна, я уже закончил. – Блинов протянул ей протокол допроса. – Прочтите и распишитесь.

Вера пробежала глазами текст и поставила внизу свой автограф.

– Зря вы не глядя подписываете, – буркнул Блинов. – Негоже так со следственными документами...

– Я внимательно прочла протокол, – сказала она, умолчав о том, что в институте ходила на курсы скорочтения и теперь ей хватало пары минут, чтобы вникнуть в суть написанного. Это очень помогало при заключении контрактов. – Вы все верно записали.

– Тогда не смею вас больше задерживать. Допрос закончен. Но я попросил бы вас пока не уезжать.

– Я планировала отправиться в обратный путь уже завтра с утра, – нахмурилась Вера.

– Придется нарушить планы, так как вы еще можете понадобиться следствию.

– А если я ослушаюсь?

– Давайте не будем ссориться, Вера Николаевна. Я имею полное право задержать вас на семьдесят два часа, и тогда вы проведете их в обезьяннике.

– Что ж, хорошо... Я задержусь.

– Вот и прекрасно.

– Могу теперь я задать вам вопрос?

– Валяйте.

– Как его убили?

– Череп размозжили.

– Чем?

– Это еще предстоит выяснить. Но на первый взгляд – несколько раз стукнули головой о чугунную батарею. Однако может оказаться, что господина Радугина ударили чем-то тяжелым, а с радиатором его затылок соприкоснулся при падении.

Представив ужасную сцену, Вера передернула плечами. Желание продолжать расспросы сразу испарилось. Хотелось поскорее убраться из кабинета следователя и остаться наедине со своими мыслями. Но едва Вера поднялась со стула и направилась к двери, Блинов остановил ее окликом:

– Позвольте задержать вас еще на минутку, Вера Николаевна.

– Слушаю, – обреченно выдохнула Вера, оборачиваясь.

– Не для протокола, а так... между нами... – Блинов вновь нацепил очки и уставился на Веру маленькими глазами-буравчиками. – Вы состояли с Радугиным в интимной связи?

– С Виктором Сергеевичем?

– Именно.

– Нет.

– И когда работали на него?

– Нет, – повторила Вера. – С чего вдруг такое предположение?

– Вы в курсе, что супруга Виктора Сергеевича умерла?

– Тетя Оля умерла? – искренне удивилась Вера. – Нет, я не знала.

– Это произошло в 1998-м. Кажется, вы говорили, что покинули наш город в том же году?

– Да. Весной.

– Ольга Михайловна скончалась тоже весной. Думаете, от чего?

– Несчастный случай? – предположила Вера.

– Инфаркт.

– Разве у нее было больное сердце?

– В один далеко не прекрасный день женщина узнала, что у ее мужа есть любовница, и ее сердце не выдержало.

– Бесспорно, очень грустно, но... Я-то тут при чем?

– Да вот я думаю, не вы ли были той любовницей? – задумчиво протянул Блинов. – Потому что ваш рассказ о ссоре из-за бюджетных денег мне кажется неубедительным. Как пить дать, разругались вы по другой причине... По личной причине! Уж не знаю, Радугин ли вам от ворот поворот дал или вы сами устали от немолодого любовника... Собственно, не важно, главное – между вами пробежала черная кошка. После чего вы покинули город, но слухи о вашем романе все равно дошли до Ольги Михайловны, и...

– Все, господин следователь, вы мне надоели! – оборвала его Вера. – Если у вас еще возникнут вопросы, учтите, отвечать на них я буду в присутствии адвоката.

– А может, вы ей и сообщили о своей связи с Виктором Сергеевичем? Чтоб отомстить бывшему любовнику. Вы ведь не думали, к чему это приведет...

Вера молча развернулась и взялась за ручку двери. А Блинов не замолкал – говорил ей в спину:

– Поэтому вы так и не хотели встречаться с Радугиным сегодня. Боялись разговора на болезную тему. И по лицу ударили его потому, что он обвинил вас в смерти супруги... – Вера рванула дверь, но последняя реплика, брошенная Блиновым, все же достигла ее ушей: – И убили Радугина, возможно, тоже вы!

Вера вылетела в коридор, шараясь дверью так, что сидящая на стуле возле кабинета женщина испуганно подпрыгнула.

– Ну ты меня и напугала! – охнула она и поднялась навстречу Вере. Это была Шура. – А я тебя жду. Там у крыльца телевизионщики собрались со всех региональных каналов... Думаю, тебе не хочется с ними встречаться?

Вера кивнула.

– Пойдем, я выведу тебя через спортзал. У меня есть ключи.

И она, взяв Веру за руку, повела ее по пустынному коридору в известном им обоим направлении.

Глава 4

1988 год

Шура толкала старую, дребезжащую всеми костями коляску, чертыхаясь всякий раз, как под колесо попадал камень. Даже незначительная колдобина, встречавшаяся на пути, заставляла драндулетку подпрыгивать и скрипеть так, что Шурина сестренка Маринка просыпалась и начинала похныкивать.

Девочка родилась нездоровой. Как и та, которую Зина Одинец произвела на свет, когда Шура училась в первом классе. Но та не протянула долго – умерла в недельном возрасте, а Маринке уже два годика, но у нее «волчья пасть». Дефект был серьезным (малышка захлебывалась жидкостью, когда кушала), но устранимым. Для этого одному из родителей нужно было лечь в областную больницу, где бы девочку прооперировали. Но ни Зина, ни Леня никак не могли туда собраться. У них было более важное занятие – пьянство. Да, Зинка Швабра тоже в конце концов стала прикладываться к рюмке и с каждым годом все больше походила на своего супруга.

Заботы о новорожденной Маринке легли на плечи Шуры. Ей было всего одиннадцать, когда та родилась, ее ровесницы катали в колясках игрушечных пупсов, а Шура уже имела настоящую «дочку». Жаль, не разрешали ей в больницу с сестренкой лечь, а то давно бы уж Маринка от своей пасти избавилась. «Ну, ничего, – успокаивала себя Шура. – Вот исполнится мне шестнадцать, получу паспорт, и тогда пусть только попробуют мне отказать...»

Но получения паспорта Шура ждала не только из-за Маринки. Ей просто хотелось стать самостоятельной. Ведь сейчас она кто? Ребенок. Без письменного согласия родителей никуда! Вон весной весь класс ездил в недельный тур по Золотому кольцу (поездка оплачивалась птицефабрикой – дядя Витя Радугин постарался), а Шура вынуждена была дома остаться. Потому только, что Зина с Ленькой отказались ей разрешение подписывать. Сказали: «А с малой кто сидеть будет? Да и денег у нас нет, чтоб тебе с собой дать, так что перебеешься. Эка невидаль – храмы старые! Вон у нас в городе тоже церковь полуразрушенная есть, хочешь, иди и полюбуйся. И главное, задарма!»

Шура тогда сильно на родителей обиделась. Хотела даже из дому сбежать. Но как представила, что Маринка без ее присмотра останется, сразу передумала. Нельзя ей сестренку бросать, никак нельзя! Вот сделают ей операцию, можно будет в детский садик отдать, и появится тогда у Шуры свободное время. А то виданное ли дело, везде с собой Маринку таскать... Как сейчас, например, когда Шура отправилась в гости к Чайке, в надежде застать у нее Стаса. Или хотя бы просто узнать у Веры, как он. Ведь так давно не виделись, почти неделю...

Когда Шура приблизилась к подъезду, где жили ее друзья, то возле него увидела грузовик, в кузове которого громоздилась мебель. Видимо, кто-то переезжал. Шура хотела задержаться возле машины, чтобы понаблюдать за погрузкой остальных вещей, но тут заметила Веру.

– Привет! – поздоровалась с ней Шура и, откатив коляску в тень старой липы, подошла к подруге. – Кто это у вас переезжает?

– Радугины! – сообщила Вера. Она была очень взволнована, из-за чего часто-часто моргала своими белесыми ресницами и судорожно, с попискиванием вздыхала.

– Куда? – задала уточняющий вопрос Шура. – В квартиру побольше?

– Не в квартиру, а в дом. Птицефабрика, на которой дядя Витя работает, коттеджный поселок выстроила... Вот туда они и переезжают.

– Это тот, что на окраине города? У леса?

Вера, издав очередной вздох, утвердительно кивнула. И тут настала очередь Шуры нервно моргать. Поселок, о котором шла речь, находился очень далеко от района, где жили

Одинец и Чайка, а значит, теперь они будут гораздо реже видаться. Раньше-то постоянно со Стасом на улице сталкивались. И из школы вместе ходили. Стас с Верой, конечно, и без нее бы прекрасно дошли, но Шура (она жила на другой улице, и ей нужно было двигать в противоположном направлении) вызывалась их провожать. А потом могла у Чаек остаться, потому что ее принц частенько к ним забегал: то попить – на третий этаж подниматься было лень, то в туалет, то домашнее задание списать. А теперь, получается, что Стас станет обитать на другом конце города, и встречаться доведется только в школе... А до нового учебного года – еще два месяца!

– Стас! – услышала Шура голос тети Оли Радугиной. Она вышла из подъезда, держа в руках коробку с посудой, и стала оборачиваться, выискивая сына взглядом. Но того поблизости не было. – Девочки, – обратилась тетя Оля к Шуре и Вере, – вы Стаса не видели?

Обе синхронно мотнули головами.

– Что за негодник! – воскликнула тетя Оля раздраженно. – Ведь велено было сидеть на лавке у подъезда... – И, обратившись к шоферу, сказала: – Подождите пять минут, я сына поищу! – После чего поставила коробку в кузов и заторопилась в сторону школьного двора, где Стас частенько пропадал, играя с пацанами в футбол.

Когда она скрылась, Вера наклонилась к Шуриному уху и прошептала:

– Зря она туда пошла, Стас в другом месте.

– В каком?

– На чердаке вон того дома. – Вера указала подбородком на стоящую по соседству кирпичную двухэтажку.

– Чего он там забыл?

– Прячется.

– От кого?

– От матери. Не хочет переезжать. Говорит, надоело. Только привыкнешь к району, квартире, как опять надо срываться...

– Все равно его найдут, – тяжело вздохнула Шура. – И заставят переехать.

– Не найдут, – заупрямилась Вера. – Никто, кроме нас, не знает, что он там, а мы не проболтаемся.

– Рано или поздно он спустится, и тогда...

– Мы все продумали. Выходить он будет, только когда стемнеет. А днем я буду к нему ходить – еду носить.

– Я тоже буду! – горячо подхватила Шура, в тот момент не думая о том, что им с сестрой порой самим есть нечего. – А пойдем его сейчас проведем?

И, не дожидаясь Вериного согласия, Шура зашагала к заветному дому. Правда, на полпути девочек перехватила тетя Оля, выбежавшая из-за угла школы.

– Нет его там! – всплеснула она руками. – Куда ж он запропастился? – И тетя Оля беспомощно спросила: – Ну что мне теперь делать? В милицию, что ли, звонить?

– Зачем же сразу в милицию? – робко сказала Вера.

– А вдруг с ним что-нибудь нехорошее случилось? Что, если его увел какой-нибудь извращенец? – Женщина волновалась все больше и начала уже всхлипать: – Я читала вчера в газете, что в соседнем городе одного мальчика нашли мертвым в городском парке... Над ним сначала издевались, а потом убили. Средь бела дня!

– Да не переживайте вы так.

Но тетя Оля не слышала Веру:

– Стасик у меня такой доверчивый... И любопытный! Вдруг дядька какой позвал его, пообещав мопед показать или еще что? Он же пойдет...

По ее лицу потекли слезы. Вера ни разу не видела тетю Олю плачущей. Как и просто взволнованной. Мама Стаса всегда была само спокойствие. А сейчас прямо буря эмоций! Вере стало очень ее жаль.

– Девочки, – умоляюще проговорила Радугина, – вы правда не знаете, где Стасик?
– Нет, – ответила Шура, упрямо поджав губы.
– А я знаю, – выдохнула Вера. – Он на чердаке прячется.
– Зачем? – округлила свои синие, такие похожие на Стасовы глаза тетя Оля.
– Уезжать не хочет.
– Да как он... да я ему... – Слезы потекли еще обильнее, но теперь это были слезы облегчения. – Ну, я ему задам!

И тетя Оля, утирая мокрое лицо, бросилась к дому, где прятался Стас. Вера проводила ее взглядом, а когда женщина скрылась в подъезде, повернулась к подруге и не узнала ее. Шура была сама на себя не похожа. Ее некрасивое, но довольно приятное лицо обычно было приветливым, сейчас же на нем застыло такое злобное выражение, что оно казалось отталкивающим. Круглые щеки алели, пуговичный нос заострился, а небольшие каре-зеленые глаза смотрели на Веру с ненавистью.

– Предательница... – процедила она сквозь зубы. – Стукачка...
– Шур, ты чего обзываешься? – испуганно спросила Вера.
– Зачем ты Стаса заложил? Подруга, называется. Он тебе по секрету, а ты... Стукачка и есть!
– Но тетя Оля плакала... Мне стало ее жалко...
– Из-за тебя Стаса увезут! – закричала Шура. – Если бы не ты... – Она закашлялась, подступившие к горлу слезы мешали дышать. – Ты мне больше не подруга, слышишь? Не желаю тебя знать! Опарыш!

И, развернувшись на стоптанных каблуках, унеслась, ни разу не обернувшись. Да и зачем оглядываться? Она и так знала, что увидела бы, посмотрев назад, – Вера совершенно точно плачет, низко опустив свою белобрысую голову и вздрагивая худым тельцем. Шура часто видела ее в таком состоянии, и сердце ее всегда сжималось от жалости, а единственным желанием было – защитить несчастное создание от враждебного мира. Но сегодня Шура не испытывала жалости, и враждебность к Вере проявила именно она... А все из-за Стаса! Невыносимо было думать о том, что теперь он будет далеко, вот и сорвалась на бедную Веру. «Погорячилась, – вынуждена была признать Шура. – Ну да ладно, отойду, извинюсь...»

Но извиниться не получилось. Когда Шура отошла от гнева (а произошло это спустя две недели) и явилась в гости к Чайкам, тетя Ульяна сказала, что Вера уехала в пионерский лагерь.

* * *

Вера сидела в автобусе, прижав к груди клетчатый чемодан, и мечтала о том моменте, когда наконец попадет домой. Кто бы знал, как невыносимо ей было находиться вдали от него, привычного, уютного, родного, и от мамы, единственной, любимой, самой лучшей на свете. Именно из-за разлуки с мамой Вера страдала больше всего. То, что ее в лагере травили, как когда-то в школе, девочка стойко сносила. К этому ей было не привыкать, а вот расставаться с мамой дольше чем на неделю ей еще не приходилось. Но та неделя без Ульяны (когда они ездили с классом в тур по Золотому кольцу) пролетела незаметно, ведь с ней рядом был Стас, он и опекал, и развлекал, и защищал. А в лагерь Вера отправилась совсем одна. Она очень не хотела ехать, плакала и просила маму сдать путевку, но та не давала себя разжалобить, отмахивалась: «Хватит, Вера, быть малым дитем, пора взрослеть и от моего подола отрываться. А еще – учиться ладить с людьми. Не вечно же Стас тебя опекать будет...» И с мукой в голосе добавляла: «И мне дай хоть немножко отдохнуть, одной побыть... Я так устала, так устала!»

И Вера дала матери отдохнуть от себя. Она и сама видела, как та устала. Поэтому поехала в лагерь, заранее зная, что там ей будет невыносимо. Что ж, придется три недели помучиться, главное – чтоб маме было хорошо!

За все то время, что Вера пробыла в лагере, Ульяна приехала к дочери всего один раз. Сказала, очень неудобно добираться, а она неважно себя чувствует. Вера и сама видела, что мать не в самой лучшей форме: лицо осунулось, щеки бледные, а глаза грустные-грустные. В последнее время у нее они такими всегда были, но в день визита печаль, излучаемая ими, стала почти осязаемой...

Автобус подкатил к зданию администрации города. На площади перед ним кучкой стояли встречающие. Вера вытянула шею, чтобы отыскать в толпе маму. Но той не было видно.

– Чайка, чего расселась? – прикрикнула на нее сопровождающая детей старшая пионервожатая. – Ты на переднем сиденье, значит, тебе и выходить первой.

Вера послушно встала и вышла. Она не понимала, почему ее не любят не только дети, но и воспитатели, вожатые, руководители кружков, пока не услышала разговор физрука с музыкантшей. «Что за жалкое создание? – вздохнула последняя, увидев, как Вера, убежав от одного из травивших ее пацанов, села на крылечко. Музыкантша думала, что девочка ничего не слышит. – Терпеть не могу таких детей!» – «Я тоже не люблю слабаков, – поддакнул физрук. – Надо уметь давать отпор, а то затравят... Как эту». – «Вот именно! А то делать нам больше нечего, только следить за тем, чтоб ее не покалечили...» Вера тогда весь вечер проплакала, а утром побежала звонить маме и просить забрать ее из лагеря. Но Ульяна трубку не подняла. Пришлось Вере ждать окончания смены и уезжать из лагеря вместе с остальными ребятами. Но как же она от них отличалась! Те обменивались адресами, сувенирами, расписывались друг у друга на фотографиях, обнимались и договаривались о встрече в следующем году. Вера же стояла в сторонке и думала только об одном: как бы быстрее попасть домой...

И вот свершилось! Она уже в городе. До дома – рукой подать. Либо пешком за двадцать минут, либо на автобусе за семь. Они, конечно, поедут на автобусе, потому что чемодан у Веры тяжелый, да и мама, наверное, еще не до конца выздоровела...

Кстати, где она?

– Что, Чайка, не встречают? – спросила у Веры старшая вожатая.

Та мотнула головой.

– Сама-то до дома доберешься?

Вера утвердительно кивнула и, с трудом оторвав чемодан от земли, засемила в сторону автобусной остановки.

Маршрутка пришла быстро. Вера забралась в салон и всю дорогу, не отрываясь, смотрела в окно. Вдруг маму увидит? Что, если она просто время прибытия автобуса перепутала. Или у нее часы отстают. Или уснула, а будильник не завела... Ведь не могла она просто взять и не прийти.

Но мама по дороге ей не встретилась. Вера одна добралась до дома и, пыхтя под тяжестью чемодана, побрела к подъезду. На лавочке возле него сидели соседки. Они поприветствовали Веру и стали приставать с расспросами, но девочка не желала задерживаться, проигнорировала их реплики и нырнула в подъезд. Преодолев семь ступенек, последнее препятствие, подскочила к двери в квартиру и стукнула по ней коленом. Мама не открыла. «На работу, наверное, вызвали», – подумала Вера. Достала ключ, сунула его в замочную скважину, отперла дверь и с наслаждением втянула носом запах родного дома. Наконец-то!

– Мама, ма-ам! – прокричала Вера, вваливаясь в прихожую.

Никто не ответил. Выходит, ее на самом деле на работу вызвали (Ульяна была ассистирующей хирургической сестрой, и такое часто случалось). Если б она спала, Верин стук и крик давно бы ее разбудили...

Втащив надоевший чемодан в прихожую, Вера закрыла дверь и напрямик направилась в кухню – она проголодалась. Но на полпути вспомнила о том, что перед едой надо мыть руки, и остановилась возле ванной. Потянулась к выключателю, но оказалось, что свет в ванной

зажжен. «Как это похоже на маму, – подумалось Вере. – Она такая рассеянная, постоянно забывает гасить свет...»

Мысль оборвалась. Резко, будто налетела на невидимую преграду. Потому что Вера уже открыла дверь в ванную и увидела...

Маму!

Ни на какую работу Ульяна не ушла. Она была дома. В ванне. Лежала, погрузившись в воду до подбородка, и не двигалась. Лицо ее было белым, блее эмалированной ванны, а вода не обычной: не чуть желтоватой от ржавчины в трубах, а розовой, как смородиновый компот, так любимый Верой...

Но самым страшным было не это, а то, что запястья Ульяны перечеркивали две почерневшие раны, похожие на двух жутких пиявок.

– Мамочка... – прошептал девочка, делая шаг вперед. – Мама...

И потянулась рукой к лицу матери. Но когда пальцы коснулись его и ощутили обжигающий холод, Вера шарахнулась назад и закричала так пронзительно, что на время оглохла от собственного ора. А сидящие у подъезда соседки его услышали и поспешили в квартиру Чаек, чтобы узнать, что заставило всегда тихую Верочку издавать такие душераздирающие крики. Когда же им стала ясна причина (увидев Ульяну в ванне, одна начала истоиво креститься, вторая схватилась за сердце и попятилась), женщины увели уже сипящую Веру в соседнюю квартиру, вызвали «Скорую», милицию и Виктора Сергеевича Радугина.

* * *

Похорон Вера не помнила. Как и дней, предшествовавших им. Единственное, что осталось у нее в памяти на долгие годы, это мамино лицо в окружении белых кружев савана: изжелта-бледное, с заострившимся носом, ввалившимися щеками и ссохшимися губами. Вера днем и ночью сидела у гроба, не отрывая от мамы взгляда. Возможно, она засыпала на какое-то время, но так как и во сне видела только мертвое мамино лицо, то ей казалось, что она не смыкала глаз. И не ела! Хотя ее насильно кормили, но Вера не чувствовала вкуса еды. Она только постоянно хотела пить. Набирала литровую банку воды, ставила себе на колени и прихлебывала из нее мелкими глотками. И все смотрела, смотрела на маму...

Ульяну Чайку похоронили жарким августовским днем. Когда траурная процессия проходила по улице, мимо шли горожане в сарафанах и шортах, с надувными матрасами и зонтами от солнца, направляясь на речку.

После похорон были поминки. Их устроили в столовой птицефабрики. Было воскресенье, предприятие по выходным не работало, но дядя Витя распорядился, чтобы столовую открыли. Еще он выделил машины, заказал памятник, но самое главное – нашел адрес старшей сестры Ульяны Чайки и сообщил ей о смерти родственницы. Та приехала на похороны, а чуть позже взяла над Верой опеку.

Сестру Ульяны звали Катериной. Она была одиночкой, характер имела весьма сложный. Когда Вера немного пришла себя после кончины матери и уразумела, что женщина, находящаяся все дни рядом, ее тетка, прежде всего она подумала: сестры совсем не похожи. Младшая, Ульяна, была миниатюрной, женственной и очень симпатичной. Катерина же являлась ее полной противоположностью: высоченная, нескладная, с мужицкой фигурой и грубым лицом, она была даже неприятной. К тому же у нее оказался очень низкий, хриловатый голос, от звука которого Верочка поначалу вздрагивала – ведь она привыкла к нежному журчанию голоса своей мамочки.

Когда Катерина сообщила Вере о том, что забирает ее к себе, девочка пришла в ужас. Во-первых, она не мыслила жизни вне своего города, района, дома, а во-вторых, не могла представить рядом с собой чужого, пусть и родного по крови человека. Тем более что человек этот

ни разу за тринадцать лет не вспомнил о сестре. «Как так? Жили в пятидесяти километрах друг от друга, а не виделись. И не созванивались. И даже открытками поздравительными не обменивались! Да для тети Кати мама давно умерла... – думала Вера и делала из своих размышлений неутешительный вывод: – Я ей совсем не нужна! И берет она меня к себе только из чувства долга. Или из жалости. Ведь если б не она, меня бы отправили в детский дом...»

Но свои переживания Вера оставляла при себе. Она всегда была малоразговорчивой и закрытой девочкой, а после смерти матери еще больше замкнулась. Теперь вывести ее на открытый разговор не могли ни Шура, ни Стас. Да и мало она теперь с ними виделась. Стас был далеко, а у Шуры сестра заболела, и она моталась с ней по врачам. Но и в те редкие минуты, когда забегала, Вера больше молчала, глядя на мамину фотографию в траурной рамке, или говорила ни о чем: о просмотренном фильме, прочитанной книге, соседском коте, дворовой собаке...

В день переезда, когда все вещи уже были собраны, Вера, перед тем как покинуть квартиру, зашла в мамину комнату (вообще-то она называлась залом, но, так как Ульяна спала именно там, девочка считала ее маминной). Из мебели они не взяли к тете Кате ничего, кроме письменного стола и книжного шкафа, поэтому обстановка оставалась такой же, как раньше. На месте были и стенка, и диван, и кресла, и журнальный столик, и черно-белый телевизор на ножках. Вера прошлась по комнате, мысленно с ней прощаясь. Поочередно дотрагивалась до каждой вещи, думая о том, что еще недавно ее касались мамины руки, сейчас – ее собственные, а завтра не коснется уже никто, потому что квартира будет стоять запертой до тех пор, пока Вера не станет совершеннолетней (тетя Катя хотела ее сдать, да не нашлось желающих занять жилье, где было совершено самоубийство).

Вера опустилась на диван, взяла в руки думку и уткнулась в нее лицом. Подушка пахла мамиными духами. Запах был очень слабый, но Вера все равно уловила его, и на ее глазах сразу выступили слезы. Чтобы не расплакаться, девочка отстранила лицо от подушки и решила вернуть ее на место, но тут заметила, что между спинкой и подлокотником что-то засунуто. Вера присмотрелась и поняла, что это общая тетрадь в дерматиновой обложке. Девочка вытащила ее и, повертев в руках, раскрыла на середине...

«Как же мне плохо! Не думала, что бросить будет так тяжело. Всегда считала, что смогу в любой момент отказаться от наркотиков, ведь я колю их нечасто, а оказалось...»

Вера удивленно моргнула. Она узнала мамин почерк, но не могла поверить, что та пишет о себе. Наркотики? Мама их принимала? Не может такого быть... Вера много раз видела наркоманов по телевизору и один раз в жизни – ей Шура показала «торчка» из своего дома, но все они были кошмарными людьми, опустившимися, грязными, истощенными. Не такими, как ее красавица мама!

«Если б я знала тогда, когда впервые украли ампулу, что подяду, никогда бы не притронулась к ней... – продолжала читать Вера. – Но в тот момент мне так хотелось заглушить душевную боль, что я не подумала о последствиях. И вот теперь, спустя два года, я прочно сижу на игле. Воровать ампулы становится все труднее, главврач уже стал поговаривать о внутреннем расследовании, поэтому я решила завязать... Но, черт возьми, не получается! Продержалась четыре дня, а сегодня опять укололась. И самое ужасное, что сделала это, когда Веруня была дома. Обычно я не ширяюсь при ней (что, если увидит или наткнется на «следы преступления»?), но терпеть сил не было. Я заперлась в ванной, укололась, и так мне хорошо стало, что я села на пол и блаженно зажмурилась. Мне казалось, что глаза я закрыла только что, а оказалось – прошло четверть часа, и обеспокоенная

дочь начала ломиться в дверь. Если я нахожусь дома, она не может без меня прожить и десяти минут. Что неудивительно! Когда я на работе, она остается совсем одна: в детский садик я перестала ее водить, а до школы еще целый год...»

Вера оторвалась от чтения, а все потому, что с улицы раздался голос тети Кати:

– Вера! – кричала та, стоя у подъезда. – Вера, ну где же ты? Пора ехать!

– Сейчас, тетя Катя, – откликнулась Вера. – Уже бегу!

Но не побежала, а, перелистнув несколько страниц, продолжила чтение:

«У меня появился кавалер. Это наш новый лор. Симпатичный мужчина и холостой. Мы с ним на Дне медика танцевали, и он вызвался меня проводить до дома. Я согласилась. Мы долго гуляли, а потом я пригласила его на кофе. Вера, естественно, тут же выбежала из комнаты, а увидев незнакомого мужчину, испугалась, унеслась к себе, но через каждую минуту звала меня и спрашивала, когда дядя уйдет. В итоге кавалер сбегал через полчаса. Но перед уходом шепнул, что в следующий раз позовет меня к себе...»

Вера вспомнила тот день и того кавалера. Он действительно был симпатичный. Неужели она своим поведением все испортила? Больше он в их квартире не появлялся, но мама частенько убегала из дома после чьих-то звонков...

Перелистнув еще несколько страниц, Вера дошла до последней записи и решила прочесть ее, а весь дневник целиком просмотреть позже.

«Лежу в кровати, бьет дрожь. Уколотся нечем... И незачем – мне уже ничего не помогает...

Веру отправила в лагерь. Не могу ее видеть. Никого не могу, кроме НЕГО, но ОН не идет...

Я ему не нужна! Его любовь иссякла. А моя? Она как Вселенная! И что мне делать с ней? Такая огромная любовь для одного человека слишком тяжкая ноша.

Да простит меня дочь, но я хочу умереть – и умру!»

– Что это у тебя такое? – раздалось над Вериним ухом. Рядом стояла тетя Катя, приближения которой девочка не услышала, погруженная в чтение. – Позволь-ка...

И, не дожидаясь разрешения, вырвала тетрадь из Вериних рук.

– Почерк Ульяны, – пробормотала тетка, пробегая глазами по строчкам.

– Это ее дневник... Я нашла его только что...

Глаза Катерины расширились, когда суть прочитанного дошла до ее сознания. Она захлопнула тетрадь, сунула под мышку и рявкнула:

– Тебе не стыдно читать чужие дневники?

– Он не чужой, а мамин!

– Дневник – приватная территория того человека, кто его писал, – отчеканила тетка.

– Но я должна знать, из-за чего мама покончила с собой! Или из-за кого...

Катерина упрямо тряхнула головой:

– Если б Ульяна хотела, чтоб и мы знали, она оставила бы предсмертную записку. Все, Вера, разговор окончен. Дневник ты не получишь. – Катерина взяла племянницу за плечи и силой поставила на ноги. – А теперь пойдем. Машина ждет.

Поняв, что спорить бесполезно, Вера побрела к двери.

Выйдя из подъезда, она забралась в кабину «каблука», нанятого для перевозки вещей, и бросила вокруг прощальный взгляд. Погода стояла дождливая, и двор был пуст. Вера скольз-

нула взглядом по сломанным качелям, столику, где мужики играли в домино, песочнице, уже начавшим желтеть деревьям, после чего отвернулась от окна.

– Поехали, – скомандовала шоферу забравшаяся в кабину тетка.

Водитель завел мотор. «Каблук» медленно тронулся с места. Когда он стал набирать скорость и достиг последнего подъезда, к дому на велосипеде подкатил Стас. Он махал вслед уносящейся прочь машине, но погруженная в свои думы Вера его не видела.

Глава 5

Наши дни

Выпустив Веру на улицу и выйдя следом за ней, Шура заперла дверь спортивного зала и сунула увесистую связку ключей в карман.

– Все, осталось только пересечь футбольное поле и выбраться через дырку в заборе, – сказала она, указав Вере направление. – За ним сейчас асфальт положили, так что машина – тебя ведь шофер привез, да? – спокойно подъедет.

– Откуда у тебя ключи?

– Я здесь завхозом работаю, – ответила Шура. И, помолчав, спросила: – Тебя подозревают?

– Да.

– Но ведь это не ты...

– Шура, – с упреком протянула Вера, – что ты такое болтаешь? Конечно, нет!

– А я, честно говоря, когда узнала, что Виктора Сергеевича грохнули, первым делом подумала – Чайка!

Вера раздраженно махнула на нее рукой и зашагала к вытоптанному футбольному полю. Но Шура догнала ее, тронула за плечо и проговорила:

– Прости... Сейчас я уже так не думаю.

– Ладно, проехали, – буркнула Вера.

– Ты куда теперь?

– В гостиницу, наверное, поеду, – пожалала она плечами. – Куда я еще могу?

– Может, ко мне пойдем? Посидим, поболтаем... тяпнем по рюмашке... – И, поймав испытующий взгляд Веры, добавила: – Я не пью, не думай. Давно завязала. Сначала кодировалась, а теперь и самой не хочется. Сегодня впервые за многие месяцы, с Нового года, наверное, возникло желание выпить. Давай четвертушку коньяка возьмем? Магазины уже не работают, но тут неподалеку круглосуточный ларек есть...

– Раньше ты не любила коньяк.

– Я и сейчас не люблю. Поэтому если пью, то его. Чтоб губу не раскатать...

– Что ж, давай возьмем, – согласилась Вера. Но, представив, что за бормотуху могут продавать в круглосуточном ларьке, внесла коррективы в Шурин план: – Только я за ним шофера пошлю, ладно? На машине до нормального магазина двадцать минут езды. А пока он мотается, мы с тобой прогуляемся. Идет?

Шура согласно кивнула. После того как Вера по телефону отдала приказ шоферу, они выбрались через дыру в заборе на улицу и направились в сторону речки.

Сначала шли молча, но, когда достигли деревянного мостика через ручей, заговорили почти одновременно.

– А помнишь... – начала Шура, а Вера закончила фразу:

– Как я свалилась с него и чуть не захлебнулась?

Они рассмеялись, и Вера продолжила:

– Ты тогда меня спасла от верной смерти. Я с перепугу не поняла, что воды в ручье – по колено!

– Не я спасла, а Стас. Я только стояла на берегу и орала, что ты попала в воронку. Решила, раз не показываешься на поверхности, значит, провалилась в какую-то страшную яму. А он тебя вытащил.

Улыбка сползла с Вериного лица. От Шуры это не укрылось, и она спросила:

– Ты все еще его ненавидишь?

– Нет, – честно ответила Вера. – Все давно перегорело, иначе я бы не приехала... – Она поморщилась. Не хотелось ворошить прошлое, и нужно было как-то пресечь разговоры о Стасе. Но разве это возможно, когда рядом Шура?

– Я рада, – сказала та. – Мне было очень плохо, когда ты его любила, но когда возненавидела, стало еще хуже.

Вера не знала, что ответить, поэтому просто поделилась своим недавним наблюдением относительно младшего Радугина:

– Стас сильно постарел.

– Разве? – удивилась Шура. – А мне кажется, он все такой же, как раньше...

– Но у него же голова вся седеет!

– Он после смерти матери поседел, очень тяжело переживал ее кончину. Ты в курсе, что тетя Оля...

– Следователь сказал, я не знала. Честно признаться, была ошарашена.

– Да, ей ведь и пятидесяти не было.

– Дело не в возрасте. Просто мне тетя Оля всегда представлялась очень спокойной, если не сказать, холодной женщиной. Такие не умирают из-за того, что их мужья заводят роман на стороне.

– Вер, ты не права. Такие женщины за внешней холодностью прячут ранимую душу, все в себе переживают, вот и доводят себя до инфаркта.

– А откуда тетя Оля узнала о романе Виктора Сергеевича?

– Этого никто не знает, даже Стас. Как и имя отцовской пассии.

– Блинов считает, что это я.

– Не только он. Многие в городе думали так же. Вернее, почти все. За исключением, пожалуй, меня и Стаса.

– Кстати, о Стасе... Как он воспринял смерть отца?

– Спокойно. Их отношения испортились после кончины матери. Стас винил отца в ее смерти, поэтому не мог ни жить с ним под одной крышей, ни работать в одной организации. Сначала он просто нашел новое жилье и работу, а вскоре уехал из города и отсутствовал три года. А когда вернулся, помирился с отцом, но прежней теплоты между ними уже не было. Каждый жил своей жизнью. Виктор Сергеевич себе уже новый дом построил, а старый коттедж Стасу отдал.

– Виктор Сергеевич больше не женился?

– Нет. Но постоянную любовницу завел. Угадай, как ее зовут?

– Неужели Катя Старкова?

– Точно. Сначала она была у него секретаршей, потом личным помощником, а теперь возглавляет какой-то фонд поддержки то ли культуры, то ли образования. Но, думается мне, недолго ей осталось... Новый мэр посадит на эту должность свою любовницу, и если Катя не переориентируется, то останется у разбитого корыта.

– Получается, что от смерти Радугина Старкова только теряет?

– Конечно. Где она найдет такого богатого, щедрого, успешного мужика, да еще закрывающего глаза на ее шашни с другим?

– Катя изменяла Виктору Сергеевичу?

– А то как же! С Петькой Кочетовым. Катя все мечтала, что он на ней женится, но Петька покувыркаться с Катюшей в койке не прочь, но в жены решил взять другую барышню – двадцатилетнюю скромнягу, студентку пединститута. Ему нужна домашняя женушка без особых претензий, а не избалованная красотка с очень и очень богатым прошлым...

– Ой, смотри! – встрепенулась Вера. – Это не она там?

Шура посмотрела в указанном направлении и на поваленном стволе старого дуба увидела Катю Старкову. Та сидела на нем, как на коне, для удобства задрав мини-юбку, наплевав на

то, что она белая. Пиджак ее валялся поодаль, так же как и сумочка «Прада», и туфли на высоченном каблуке. В руках Катя держала литровую бутылку мартини и была уже изрядно пьяна.

– Подойдем? – спросила Шура у подруги. – Или не стоит? Возможно, она хочет побыть одна...

– А она не одна, – возразила Вера. – Вон в кустах кто-то стоит.

Но Шура уже и сама видела, что из зарослей орешника вышел поправляющий одежду мужчина. Судя по всему, он уединился, чтобы справить нужду, и теперь возвращался к Кате. Когда он вышел из зарослей, Шура узнала Олежку Яшина.

– Отлил? – пьяно спросила Катя, когда тот подошел и сел на ствол лицом к ней. – Ну, тогда с облегчением! – И, икнув, опять приложила к бутылке.

– Кать, может, хватит пить? – В голосе Олежки слышались просительные нотки. – Ты уже достаточно нагрузилась...

– Да пошел ты! Достал меня уже!

Но Олег не двинулся с места. А Катя продолжала поглощать вермут, пока не выпила все до дна. Потом швырнула бутылку в кусты и потянулась к сумке. Но, потеряв равновесие, стала падать. Олег подхватил ее. Старкова вместо благодарности отшвырнула его руку и потребовала:

– Дай закурить!

– Ты же знаешь, я не курю.

– Да откуда мне знать, черт возьми?

– Я тебе много раз говорил.

– Кто б тебя еще слушал... – пренебрежительно бросила она. – У меня в сумке сигареты, дай!

Яшин послушно сполз с дерева и поднял с земли сумку.

– Пойдем отсюда, – шепнула Вера. – А то подглядываем за людьми, как две любопытные Варвары...

– Подожди секунду, – ответила Шура. – Я никогда не видела Катюшку пьяной, а тем более сидящей на поваленных деревьях. Интересно посмотреть...

– Шура, это некрасиво, – упрекнула ее Вера. Но та шикнула на нее, а все потому, что между Олегом и Катей возобновился разговор.

– Ты че за мной поперся? – недовольно спросила Старкова. – Я, может, одна побыть хочу... Напиться и поплакать без свидетелей! Как любая русская баба...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.